

Юлия Михалева

ПРИШАВЬЕ

Юлия Михалева

Пришлые

«Автор»

2023

Михалева Ю.

Пришлые / Ю. Михалева — «Автор», 2023

Двести лет назад из-за внезапного нагрева земного ядра растаяли ледники и пришли в движение горы. Катаклизм погубил большую часть планеты, а выжившие хаотично отступили на уцелевшие участки суши. К 2222 году население всей планеты не превышает 800 тысяч человек, а мир необратимо изменился: больше нет смены сезонов, и за каждым жарким днем неминуемо наступает ледяная ночь, несущая смерть. Все технологии давно погибли, люди и не догадываются, кем были их предки и как они жили, и единственные цели – найти укрытие и пропитание. Среди всеобщего хаоса город Ось у подножия горы – плодородный оазис покоя, где ресурсов в изобилии и все подчиняется Правилам. Но все меняется в одночасье, когда вдруг происходит убийство пришлого. Раскрытие преступления ложится на молодого горожанина Яся, охранника Вола и друга убитого Дмитрия. У каждого из них – свои личные мотивы, которые никто из них не желал бы предать огласке.

© Михалева Ю., 2023

© Автор, 2023

Юлия Михалева

Пришлые

Глава 1. Пришлые

Ещё совсем чуть-чуть! Немного поднажать, пробежать с пригорка, резко повернуть к деревьям – и покажется спасительная щель в частоколе. Надо лишь до неё домчать, быстро сдвинуть расшатанные колья и шмыгнуть внутрь. А уж в городе-то Ясь найдет, где спрятаться. Только бы до него добраться!

– А ну, стой! Стой, говорю! – крикнул в спину охранник.

Он задышался, но темпа не сбавлял: голос звучал опасно близко. И как только удаётся так быстро бежать такой туше? Даже тощий Ясь за гонку от леса уже почти выдохся.

– Стой! Я же тебя видел!

Видел! Мало ли, кто чего видел! В Оси, говорят, почти десять тысяч жителей – он что, каждого знает в лицо? А может, Ясь и не на лесоповале работает? Может, он от какой другой работы отлынивал? А то, что брагу припрятал и пил её за кустами, охранник мог и вообще не успеть заметить.

Но если поймают – учует. И когда выяснят, что Ясь – это Ясь, сидеть ему в каменном мешке пару недель и за прогулы, и за брагу.

А всё проклятый лесоповал. Что за унылое место! Хотя и лучше, чем с отцом в коровнике. От его глаз не скроешься: и брагу не выпьешь, и с работы не убежишь. Да и дома всю шкуру выскоблит. Своей-то горянки у Яся нет. Эх, тяжело живётся тем, кто с детства способностей не показал!

Вниз с пригорка бежать куда легче, и вот уже и частокол впереди. Ещё немного! Ясь собрался и ускорился из последних сил, оставив за спиной проклятия и, кажется, даже стоны. Деревья стегнули ветками по лицу. Вроде бы охранник отстал, но оборачиваться и проверять сейчас точно не время.

Есть! Ясь втиснулся между слабыми прутьями. Прощай, любимая лазейка. Теперь охранник её сдаст и частокол поправят. Придётся в другом месте колья подпиливать.

Увидев Яся, невысокая девушка отшатнулась и едва не выронила корзину с тряпками – видимо, собиралась к ручью. Ясь приложил палец к губам и огляделся. Вроде тихо. Охранников не видать: скучают в башне, а то и дрыхнут по очереди на бочке у ворот, как вчерашний – откинув голову, раскрыв рот и храпя на всю округу. Ясь взглянул на свой лаз – да, толстяк через него не пролезет – и юркнул к каменным сараям.

Он всё ещё бежал, а на спокойных улицах Оси бегущий не останется без внимания. Встретив удивлённый взгляд прохожего, Ясь замедлился. И, охнув, схватился за бок. Уматал же его тот охранник! Оглянувшись ещё раз и немного отдышавшись, Ясь вышел из переулочка к торговым рядам и двинулся через них.

– Дай хлеба! – дёрнул его за рубаху мальчишка.

Сам крошечный, зато глазищи – как большие черные ягоды.

– А ты чего не в саду?

– Убежал, – он засунул в рот большой палец. – Я к сараям бегал, а потом есть захотел.

Это по-нашему! Но при всей симпатии нечем с ним поделиться. Гладанув мальчишку по тёмной нагретой солнцем макушке, Ясь направился к горянкам.

Отцовская в нижнем ярусе, третья с правого края. С виду все одинаковы, только она одна отличается: на стене у двери – громадная красная надпись. «2222», текущий год по древнему календарю. Отец иногда исправляет последнюю цифру – у него такой ритуал, прямо как у какого гнильца. И об этом знает каждый житель Оси.

Да только какая надпись приметная! Ясь впервые об этом задумался и аж сморщился. Если бы охранник до сих пор шёл за ним и увидел, куда он входит, то тут же бы понял, что он сын животновода.

Но что теперь делать? Ясь поднялся на ярус и толкнул дверь рядом с цифрой.

И умаялся же он от бега! Ясь напился, дважды зачерпнув деревянной кружкой из бочки, а потом устало рухнул на выдолбленную в стене каменную родительскую кровать. Дома никого. Родители и Ясна на работе, младшие – в саду. Ясь закутался в одеяло, хотя и тепло – огонь в очаге в центре зала погас не так давно. Голова кружилась. Неожиданно дала о себе знать выпитая брага, да и усталость сказала – Яся сморило.

Но сон продлился недолго. В стеклянное окно у двери сначала поскреблись, а потом детский голос позвал:

– Дядя!

Ясь встрепенулся, потряс головой.

Зов и царапанье по стеклу повторились. Но почему в такое время кто-то ищет отца здесь?

Сон отступал. Точно: отец ведь болен, сообразил Ясь. Кашель совсем извёл его в последние дни, и сегодня он собирался не на работу, а в лечебницу. Вчера за ужином отец рассказывал об этом, и даже не без гордости добавил, что сам Главный передал, чтобы он не тянул и следил за здоровьем.

Ясь пересёк зал, сдвинул тёмное стекло в сторону и встретился с перепуганными глазами девчонки – как видно, одной из разносчиц новостей Главного.

– А где дядя? – она переминалась с ноги на ногу.

– Нет его. Чего тебе?

– Убили! Пришлого убили! – распахнув глаза ещё шире, выдохнула девчонка, как будто сама не верила своим словам. – Скажи дяде – его Главный ждёт.

Передав новость, она не стала дожидаться ответа: бросилась дальше.

Ясь почесал гудевшую голову. Сглотнул. Во рту стало кисло.

Убили? В Оси?!

За всю жизнь слышать о таком приходилось только в рассказах путников да тех соседей, которых вечно тянуло на поиски приключений в соседние города. Вот там, в Топоре, могли и убить – и в бою на турнире, и в пьяной драке. И в Гнилке могли переест мухоморов и принести в жертву идолам. И в дальних землях убивали и во время набегов, и чтобы ограбить, а кое-где, как говорили, даже, чтобы съесть. Те, кто приходил оттуда, всегда рассказывали о жутком. Ясь ещё в детстве любил подслушивать такие истории: от них хотелось убежать в страхе, но болезненное, жгучее любопытство влекло сильнее.

Но то, о чем говорили, происходило где-то далеко. В Оси не убивали. Осийцы жили по правилам, а набегі пришлых закончились задолго до рождения Яся.

Город мог за себя постоять. Его охраняли бойцы с кольями, а в арсенале, как говорил отец, до сих пор хранились смертельные штуки из прошлого. Когда-то благодаря им и удалось основать Ось в таком благодатном месте, а потом успешно её защищать. С одной стороны – гора, с другой – жирный кусок земли, где росли овощи и паслись животные, с третьей – ненавистные Ясю леса.

Ось – она всё уравнивала. Кто-то давно так придумал: Ось – это палка, на которой два колеса. Слева Топор, а справа Гнилка на болотах – окружившая их город часть воды сама попала в ловушку и загнила. Соседям – топорам и гнильцам – нападать на Ось никакого смысла. В Топоре мало что росло. Фермеры из них никакие, зато они делают ножи, ножницы, пилы и топоры – им выгоднее менять их в Оси на продукты и ткани.

Топор – город большой, даже больше Оси, и живут там тоже зажиточно, хотя и правила другие, и не верят они ни во что. А гнильцы небогатые: лягушки, грибы да камыши. На болоте

у них растут травы: ядовитыми обмениваются с топорами – те берут их для своих кольев и интриг, а лечебными – с осийцами. Вот и всё, что у них рождается. Но худо-бедно живут.

И вот – именно в Оси кого-то убили. Да не кого-то – а пришлого! О топорах и гнильцах девчонка бы так не сказала: значит, в городе гости. А Ясь всё пропустил в своем проклятом лесу, где топор не тупи, лишнее не руби, отрубил – на тебе шишку, сажай, а передохнуть не смей.

Но теперь он обо всём узнает. Передаст новость, а потом и увяжется к Главному. Сполоснув лицо водой из бочки, Ясь поспешил на поиски отца.

В лечебнице его не оказалось: сказали, после осмотра взял травы и ушел.

– Домой?

– На работу. А вот ты почему не в лесу, Ясь? – укорил старший врачеватель.

– Меня за отцом послали, – отмахнулся он, выходя из пропитанного резкими травяными запахами приёмного зала лечебницы.

Отец действительно нашёлся в коровнике. Сидя на низкой деревянной табуретке, он разглядывал коровье копыто. Привычное к его рукам животное жевало сено, никак не реагируя на вмешательство.

– Папа!

Отец вздрогнул. Обернулся, поправляя на носу круглые стекла на веревке. Их ему его друг-стеклодув выточил – отец видит плохо, а в стеклах вроде как хорошо. Они об этом способе в старых бумагах прочитали, а потом по ним же сделали ещё и какие-то плоские штуки на ножках, которые поставили на горе и назвали солнечными панелями. Так никто и не понял, для чего они и зачем им отражать свет.

Отец, стеклодув и теперь вот ещё и Ясна с ними вечно глупостями занимаются. Всё по старому миру тоскуют. Полная ерунда – сейчас надо жить, а не в непонятном прошлом копать.

– Ты почему не на работе? Не говори только, что снова сбежал, – щёки отца прорезали вертикальные складки.

Недоволен. Опять. Конечно же.

– Девчонка от Главного приходила. Искала тебя. Ты же должен быть дома после лечебницы.

Отец, приподняв косматые брови, снова поправил стекла.

– Что-то случилось?

– Да. Кого-то убили, и Главный тебя ждёт.

– Как, у нас? – отец, похоже, поразился не меньше, чем сам Ясь, когда узнал эту новость.

Ясь отказался вернуться в лес, пока не узнает подробности, а отец слишком спешил, чтобы спорить. По пути в самый центр Оси к дому Главного, мимо деревянных построек мастеров и воспитательного сада, прохожие, как и всегда, приветливо здоровались с отцом и смотрели сквозь Яся, как будто его и не было.

– Последний раз такое случилось лет тридцать назад, ещё до твоего рождения. Как сейчас помню: прежние каменщики, два брата, наследство их отца не поделили. Не успели проститься с умершим в песчанике, как брагой убралась и стали решать, что кому достанется. Один другого и зарезал прямо там. Рядом с отцом и положили.

– И что стало со вторым? – заинтересовался Ясь.

– Выгнали его из Оси, конечно.

– И куда он делся?

Отец пожал сутулыми плечами.

- Да кто ж его знает. Может, в Топор ушёл или в Гнилку. А может, и на север подался.
- Разве это наказание? – поразился Ясь. – Как будто корову или собаку убил.
- За любое убийство одно наказание. Потому у нас такого и не происходит, что никто из

Оси уходить не хочет, – тоном детского воспитателя ответил отец.

Спорить с ним бесполезно, не переспоришь. Но он всё же не прав: некоторые из Оси уходили и не всегда возвращались. Не так давно сбежал с одним мешком за спиной приятель Яся Мех. Ночью ушёл, пока все спали. Сильнее мороза боялся, что родня останавливать станет. А сам накануне Ясю шепнул, что в Топор пойдёт: скучно ему в Оси, работа не нравится – его тоже в лесорубы загнали – и правила надоели.

Да и Ясю скучно, но уходить страшновато стало, хотя Мех и звал. Зато теперь думал, верно ли поступил, что остался?

Вот и дом Главного – большой, в три этажа, сложенный из массивных каменных блоков. Рядом такое же каменное строение, но пониже и без окон – казарма охранников. Обычно днём бойцы, которым не досталось поста, тренировались возле неё, но сегодня нигде: и на площади, и между зданиями – толпа. Гул слышен чуть ли не от мастерских.

Отец, увидев на крыльце старшую помощницу Главного, протолкнулся к ней. Ясь за ним.

– Что случилось?

Женщина смотрела на толпу, уперев руки в бока и поджав губы.

– Вот все с этим вопросом и пришли. Никто ж язык держать на привязи не умеет: кто увидел, всем рассказал. И все теперь паникуют. Но кто о таком думает? Главное – рассказать.

– Так что, Мара? – словно Ясь уже не объяснил. – Я тебя не пойму.

– Человека убили. Пришлого. Но Главный тебя искал, чтобы ты помог найти того, кто это сделал.

– Главный здесь?

– Нет, на окраине. Справа у ворот, где сараи, – недалеко от любимого лаза Яся? – И тебе сказал туда же идти.

– Так бы сразу и передали, – проворчал отец, спускаясь со ступенек. – Нашли мальчика – по всему городу носиться. И на работу мне надо.

Отец нахмурился и хотел сказать что-то, но закашлялся. И больше не рассказывал любопытных историй. Шли теперь ещё быстрее. Ему не терпелось освободиться и вернуться к коровам, а Ясю – посмотреть, что случилось.

– Ого, да тут весь город собрался! – заметил Ясь, когда приблизились.

И правда: здесь, на отшибе, было сейчас многолюднее, чем на площади. И все галдели.

А вот и сам Главный появился – вышел, согнувшись, из дровяного сарая. Огромный, на две головы выше отца, и уже так же немолод. Седые волосы собраны в длинный узкий хвост.

– Сколько раз повторять: возвращайтесь к работе! Всё! – гаркнул он. – Нечего тут смотреть. Каждому старшие вычтут то время, которое вы тут толкаетесь.

– Да кто убил-то хоть? – выкрикнули из толпы.

Главный скривился и не ответил. Он осматривался, словно искал кого-то – и тут заметил отца.

– Пётр! Проходи поживее, – махнул.

Отца пропустили, и Ясь снова проследовал за ним как хвост.

– Пошли скорее, – положив руку ему на плечо, Главный потянул отца к входу.

Ясь тоже сделал пару шагов, но тут дорогу неожиданно преградили.

– Это он! Я его тут и видел! – рыжий кучерявый толстяк в сером мешковатом жилете охранника указал пальцем ему в грудь.

Ясь обмер. Тот самый охранник, с которым он столкнулся по дороге из леса!

– Что это значит? – спросил Главный.

– Мой сын, – вздохнул отец.

Главный нахмурился.

– Что ты видел, Вол?

– Он был тут днём. Пролез через частокол здесь, – охранник снова указал толстым пальцем, на сей раз в сторону лаза. – Это его я искал в сарае, когда нашёл... – он вздохнул.

– Тело, – уточнил Главный.

Оглядев примолкшую толпу, ловившую каждое слово, он добавил:

– Давайте-ка зайдём внутрь, и ты всё расскажешь.

Ясь тоже огляделся, но отступать некуда. Влип по самую макушку. Остался только один путь – внутрь.

Там горел масляный фонарь. Посередине лежало что-то, прикрытое тряпкой. У входа сидели на поленьях одна из врачевательниц и охранник, а в дальнем углу прямо на земле – человек с большой чёрной собакой.

– Ну? – спросил Главный.

– Да что... Отправил меня старший за дровами для казармы на лесоповал. Иду я – и его вижу, как он за деревьями пьёт из бутылки. Да уж точно не воду, – фыркнул толстяк. – Я его окликнул, а он – ноги в руки. Явно с работы сбежал. Я – за ним, а он от меня бегом. Так до самого города гнал, а потом через эту дыру в частоколе протиснулся и пропал. Стал я его искать, обхожу сарай – а тут это... Ну, я и к вам...

– В таком случае вряд ли это сделал он, если ты преследовал его от самого леса, – интерес Главного явно угас, в отличие от отцовского.

– Его нужно посадить в мешок, – сказал толстяк.

– Да, – задумчиво почесал голову Главный.

– Может, он что-то видел, – предположил отец.

Как обычно, вокруг говорили так, как будто Яся здесь нет.

– Ничего я не видел, – сказал он хмуро. – Вышел в город и домой пошёл. Лучше спросите охранников у ворот.

– Думаешь, без тебя бы не догадались? – рыкнул толстяк. – Спросили. Они ничего не видели и не слышали. Далековато до них отсюда.

И тут вспомнилась изумленная девушка с тряпками. Может, не только появление Яся её так удивило? Он поделился мыслями.

– Найти бы её, – глухо откликнулся человек в углу.

– Пётр, взгляни на тело, – предложил Главный.

Он отбросил тряпку. Под ней лежал незнакомец в непривычной одежде: чёрные штаны и заправленная в них чёрная рубаха. В Оси так ткани не красили и одежду не шили – пришлый и есть.

И рубаха его, и земляной пол – в крови: горло пришлого перерезано от уха до уха. Ясь сглотнул.

– Тонкое лезвие, – отметил отец. – Не топор точно. И не ножницы, и на наши ножи не похоже – у них лезвия кривые.

– Я тоже заметил, – сказал Главный.

– Это его нож. Лёни. Вон он, у поленицы. Весь в крови, – указал рукой человек в углу. – Она же, докторица ваша, его уже находила и снова туда бросила.

– А что мне с ним делать? – огрызнулась врачевательница.

Дурнело сильнее. Ясь снова сглотнул и попытался – но мощная ладонь ткнула в спину.

– Куда собрался? Главный, мне отвести его в мешок?

– Ну и нравы тут у вас, – сплюнул незнакомец. – Мой друг убит в вашем городе, а он свидетеля видел. Сначала найдите свидетеля – а потом делайте с ним всё, что тут у вас положено, мне дела нет.

– Мы найдем виновного. И накажем его, – пообещал Главный. – В Оси всегда порядок – и был, и снова будет.

– Как? Изгоните из города, так тут наказывают? – прошипел пришлый. – Не пойдёт. Со своими делайте, что хотите, но он чужого убил. По нашим правилам судить положено, если у вас и правда порядок.

Главный миг подумал и кивнул.

– Пусть будет по-твоему. Как наказывают у вас?

– Кровь за кровь, – со злостью, но при этом и с оживлением выплюнул чужак.

Или Ясю показалось, или Главный и в самом деле дёрнулся.

– Ну, что ж. Я уже дал тебе слово – а слово я всегда держу.

– Любите вы тут словами кидаться... Красивыми...

– Ты не прав, человек, – спокойно сказал отец. – У тебя горе, и ты зол. Но наша Ось – равновесие. Тут и правда порядок, и обещания мы всегда держим.

Однако – подумалось – отец и Ясна иногда по вечерам делают для помощниц Главного бумагу из опилок и чернила из жженной кости и смолы, чтобы те записывали по просьбам горожан, кто и чего кому должен, а потом решали споры.

Нет, не всегда соблюдаются правила. Каменные мешки пустуют редко, и сидят там не только скандалисты или те, кто днем пил брагу, или работу прогулял. Бывают и такие, кто обманул и плохой товар обменял, долг не вернул или – хоть и редко – даже что-то украл. За две кражи – мешок, а за третью – изгнание.

– И ты туда же, мужик, – протянул пришлый.

Ясь впервые слышал, чтобы с отцом и с Главным кто-то так разговаривал.

Отец не ответил. Он поднял окровавленный нож, покрутил в руках, будто не знал, что делать с ним дальше.

– А вы откуда будете-то? – спросил он.

– Не знаю, зачем тебе это сейчас, но мы из Нового Сибирска пришли.

– Впервые слышу.

– Это далеко отсюда. На севере. Мы долго шли, несколько недель.

– И что же вас привело? – спросил Главный.

– Вот для этого точно не время. Позже всё расскажу.

Толстяк сопел за спиной, и наконец не выдержал:

– А что мне делать с этим? – он явно имел в виду Яся.

Главный взглянул на пришлого прежде, чем ответить:

– Идите искать ту девушку.

Да как её найти в огромной Оси? Хотя там, на улице, Ясь найдёт возможность улизнуть... Но только что толку теперь прятаться: уж его-то, в отличие от девушки, точно отыщут.

– С ним? – воскликнул охранник.

– Да. Заодно и присмотришь, чтобы он никуда не делся.

– А потом – в мешок? – с надеждой спросил толстяк.

– А потом – ко мне, – отрезал Главный. – Идите.

Ясь охотно шмыгнул в дверь, а удар в спину ещё больше его ускорил.

– И как, по-твоему, мы будем её искать? – зло прошипел охранник, когда толпа, выкрикивающая вопросы, осталась в стороне.

Ясь пожал плечами.

– Давай выйдем из города и снова пролезем в частокол – так будет ясно, где я её видел.

– Никуда мы не полезем. Я и так знаю, где ты вылез. Пойдём туда.

Остановившись перед лазом, Ясь огляделся.

– Она была здесь. Шла, наверное, к воротам и на ручей. Может, она и сейчас там: стирка – дело долгое, а у неё была корзина с бельём.

– Так что ж ты сразу не сказал?!

Пошли к ручью. Он стекал с правой стороны города с той же самой горы, в которой выдолблены горянки, но, чтобы попасть туда, приходилось делать солидный крюк. Так специально задумано, чтобы без необходимости не ходили. Все ресурсы нужно беречь.

Ясь, которого всё время подталкивал Вол, чувствовал себя пленником на верёвке. Рабом из рассказов пришлых.

На ручье, действительно, стирали три женщины. Похожей на нужную среди них не оказалось.

– Видели ли вы, – Ясь напрягся, вспоминая случайную встречную, на которую смотрел-то лишь миг, – Невысокую такую, тёмную? С тряпками?

Вол фыркнул, но зря – девушку знали:

– Лидию? Да, она сегодня стирать приходила.

– А где она сейчас?

– Так на работе, наверное. В лечебнице.

Как тесен мир и долог этот день!

– Ох, и умотал же ты меня сегодня! – простонал охранник, очевидно, думая о том же самом. – Просто сил моих больше нет.

– Похудеть бы тебе – легче станет, – миролюбиво заметил Ясь, за что получил новый тычок под рёбра.

– Заткнись!

– А у меня ещё кое-где брага закопана. И, спорим, ты её не найдёшь, – сказал внутренний бес губами Яся, когда снова побрели к городу.

И поморщился. Уж на что хорош сапожник, а за сегодняшний день и его работа дала сбой: шов на правом башмаке перекосялся и стал тереть.

– Зато Главному скажу, что ты её прячешь.

– А как докажешь? Я отвечу, что ты врёшь.

– А зачем ты мне вообще о ней рассказал?

– Выпить хочу. Вот и подумал, что и тебя могу угостить.

– Это неправильно. У тех, кто пьёт брагу, бывают больные дети, – буркнул Вол.

Ясь расхохотался: так слово в слово говорили воспитатели в саду – ровно до того самого дня, пока не решали, что их подопечные достаточно выросли для работы.

– Как знаешь.

Какое-то время шли молча.

– А ты не врёшь?

– О чём? О браге? Нет.

– Тогда пошли.

– Это ж неправильно? Не хочу.

– Зачем тогда говорил?

Выходило так, что теперь Вол уговаривал Яся выпить на работе – за что положен мешок – и он снова рассмеялся. Но уговорить себя дал – повёл к одному из многих своих тайников. Разрыв руками сухую почву, он вынул бутылку с мутной жидкостью. Спрятались за деревьями и в полном молчании её отполовинили, передавая друг другу. Затем Вол уселся на землю, вытянув ноги, достал самокрутки, спички и закурил.

– Ого, богато живёшь! – присвистнул Ясь.

– Держи, – поделился Вол. – Это мне товарищ из Топора передал. За помощь одну.

– За какую?

- Неважно. Как тебя звать-то?
- Ясь. А тебя?
- Все Волом зовут, и ты зови.
- А почему Вол? – снова спросил бес в Ясе, хотя ответ и очевиден.
- Ну ты глянь на меня и попробуй догадаться, – раздраженно сказал охранник. – А почему Ясь?
- Ага, думал, что ответа нет?
- Мать говорит – потому что у меня глаза были ясные, когда родился. Отец хотел назвать Петром – так его зовут, деда, прадеда звали – в общем, всех. А она ни в какую: Ясный он, и всё. Вот так и называли, а коротко – Ясь.
- Ого, – с сомнением сказал Вол, выпуская дым и вглядываясь в Яся.
- Ну, потом-то она передумала. Ничего, говорит, в тебе не ясно. Но и сестру же мою ведь тоже так назвала – Ясна. Ну а потом отец победил. Младших зовут Пётр и Агния, как и их с матерью.
- Выходит, у вас небольшая семья.
- Ну да. Но отец хороший работник, ему за работу достаточно дают еды и материалов, так что живем нормально.
- Про это я слышал, – с завистью отозвался Вол. – А почему ты в лесу работаешь? Ни на что не годен?
- Вроде того, – пожал плечами Ясь. – Я вообще к работе не очень.
- Все должны приносить пользу и ресурсы, – снова словами воспитателя сказал Вол.
- Но ты их не приносишь.
- Я? Еще как приношу. Я за порядком слежу! А вот от тебя ни того, ни другого.
- Да ладно? От меня? – рассмеялся Ясь, указывая на подходящую к дну бутыль.
- Это из-за тебя, – Вол выпустил дым прямо ему в лицо.
- Ясь закашлялся, а потом ответил тем же.
- Ты гад, – сказал Вол.
- Ага, – Ясь сделал еще один глоток и передал бутыль.
- Вол допил и вытер рот тыльной стороной ладони. Огляделся – куда деть бутылку.
- Да брось.
- Ты что? Это стекло! Нужно на переработку. Пока оставлю, но вернусь за ней.
- Слушай, а может, не пойдём искать девушку? Скажем, что не нашли.
- Да ты в своем уме? А ну вставай, – Вол поднялся и качнулся.
- По дороге в лечебницу у Вола внезапно развязался язык и он рассказал о том, как однажды поймал воровку яблок в соседнем от убитого сарае. В обмен на молчание она сорвала с себя одежду – но яблоки всё же пришлось вернуть.
- Гад – это ты, – хмыкнул Ясь. – Она хоть неплоха была?
- Кто?
- Да девка эта.
- Так я её и пальцем не тронул, ты чего такое придумал? Я её к помощнице Главного отвел, и она у неё из продуктов вычла. Пожалела, не стала сразу в мешок. Беременная та была.
- Пришли.
- Ты, смотрю, весь день без дела шастаешь, – начал врачеватель, но потом увидел охранника.
- У меня как раз есть дело. Да ещё какое, – ответил Ясь. – Там в сараях пришлые...
- Мы ищем твою помощницу Лидию, – перебил Вол.
- Она ушла к больным в Гнилку. Где-то через три солнца вернётся, – сказал врачеватель.
- И что теперь? Пойдём в Гнилку? – уныло спросил Ясь, когда покинули лечебницу.

Округлив глаза, Вол потряс головой. Даже мелкие рыжие кудри на ней протестовали – каждая по отдельности.

– Сейчас? Почти ночью?

Красное солнце тускло в небе и на улице стремительно холодало. Жаркий день всегда переходил в ледяную ночь. Отец где-то вычитал, что двести лет назад всё было совсем иначе: что один долгий период – жаркий, потом – средний, потом – холодный, потом опять – средний, и дальше по кругу, и так всегда в каждые 365 дней – он без ума от этой цифры. Странно и сложно представить – но старый мир вообще невообразим и непонятен.

– А ещё я видел мальчишку на рынке, – вспомнил Ясь. – Он сказал, что ходил в сарай. Давай тогда будем его искать.

– Да где ж мы сейчас найдём твоего мальчишку? Всё, не могу больше. Устал, ноги не держат, – сдался Вол. – Никуда не пойду.

– Ну тогда пойдём к моему отцу. Может, он что-то придумал. А завтра продолжим.

Вол взглянул с недоверием, но надеждой.

– Тогда я останусь у тебя и буду за тобой следить.

– Оставайся. У нас зал и две комнаты. И даже ванна есть, но за водой...

– Нет-нет. И на ручей, и даже на море я тоже не пойду, и греть ничего не буду, – опередил

Вол. – Я вообще больше никуда не пойду. Мне бы поспать. И поесть.

Ясь кивнул. Он бы тоже не отказался.

Глава 2. Гости

Домой пришли уже в почти полной темноте, так что замёрзли порядком.

– Ещё один гость? – не слишком-то дружелюбно заметила мать, разливая суп из котелка.

За большим каменным столом ожидала ужина не только семья, но и незнакомец в чёрном, одетый в точности как тот убитый. Очевидно, второй пришлый из сарая. Там, в темноте, Ясь не сумел толком его разглядеть. Как-то так, видно, вышло, что отец пригласил его на постой.

Вол, по-прежнему стоя на пороге и как будто не решаясь его переступить, потёр огромные красные руки, подул на них. И вдруг из-за большого сундука у двери послышалось злобное рычание – тут уже отпрянул и Ясь.

– Джерри, тихо! – велел пришлый.

– Да заходите уже и садитесь за стол, – сказал отец.

Ясь взглянул за сундук. Оттуда на него посмотрели круглые жёлтые глаза, красноватые и злые. Огромная собака, чёрная и мохнатая, определённо куда больше напоминала дикого зверя из рассказов торговцев-топоров, чем домашнего питомца.

– Не трогай её пока. Пусть привыкнет, – предложил пришлый.

Как будто Ясю могла прийти в голову настолько безумная мысль! Пожалуй, зверюга сразу отхватит руку по локоть. Он даже вздрогнул.

Ясь и Вол уселись на лавку с краю, подвинув маленького Петьку.

– А ты тоже у нас спать будешь? – спросил он Вола. – А где мы все поместимся?

Мать громко вздохнула. Она закончила разливать суп и сразу же разложила по тарелкам и жареную капусту.

– Вода для питья в бочке, – сказала она, усаживаясь на табуретку.

– У меня есть брага, – гость наклонился к своему мешку, стоящему у стола, и вынул плоскую флягу.

По отцовскому счёту ему, наверное, лет сорок или даже чуть больше. Крепкий, кожа и глаза светлые, а волосы и борода – наполовину чёрные и седые.

– А что это? – спросил Петька, указывая на флягу.

– Бяка, – ответила мать.

- В Оси не пьют, – улыбнулся отец. – Не принято, разве что по праздникам и немного.
- На гены плохо влияет, – неожиданно язвительно и недобро сказала Ясна.
- На что? – удивился Вол.

Ясна усмехнулась.

- На будущих детей, – объяснил Ясь. – Ты мне то же самое говорил.

Бес, донимавший его весь день, протянул руку к фляге – прямо на глазах изумленных родителей:

- А я бы выпил, если угостишь.
- На здоровье. Для того и достал, – откликнулся пришлый.

Отец выразительно хмыкнул и сдвинул брови, разглядывая деревянную ложку.

Ясь отхлебнул. Необычная брага с древесным привкусом.

- Будешь, Вол?

– Уже вечер. Работа закончена. Можно глоток и выпить, – оглядев собравшихся, будто извинился охранник и приложился к фляге.

Пришлый снова нырнул в мешок и вынул еще одну, протянул Ясне:

- Будешь?
- Не стесняйся, дочь, – сказал отец.
- Нет, не буду.
- Хозяйка? – продолжил пришлый.

– Воздержусь. Мне рано на работу, – мать работает на пекарне и действительно встаёт раньше всех.

Гость отхлебнул сам.

- Кстати, я Дмитрий.

Все представились и принялись за еду.

– А у вас, вижу, овощной день? Мяска бы, хозяйка. И мне, и моей Джерри, раз вы уж так любезно нас пригласили.

- Нельзя! – в ужасе выкрикнула молчаливая маленькая Агния.
- Мы не едим мяса, – поджала губы мать.
- Вы или вообще?
- Мы в Оси, хотела сказать жена. Это запрещено.
- Карается изгнанием, – жуя капусту, уточнил совсем захмелевший Вол.
- Животных слишком мало, их нельзя истреблять, – снова раздраженно сказала Ясна.

Иногда нам можно ловить рыбу в ручье.

- Два раза в год – накануне нового и в серединогодие, – уточнил отец.

Это главные осийские праздники, за соблюдением которых он всегда следит. Отец отмеряет годы по старинному календарю, методично зачеркивая на стене в зале по очереди каждый из заранее расчерченных 365 дней, а каждый четвертый год – 366. Это его ритуал, как и изменение цифры у входа в горянку – там, где её могут видеть все соседи. Он исправляет её, когда все дни на стене зачеркнуты, а после стирает и рисует новый календарь – и так всю жизнь.

Он любит повторять своим детям, что так завещал его отец, а тому – его отец, а тому – прапрадед, и что благодаря им люди в Оси знают, который сейчас год. Тому он учил и Яся, но, хоть принцип он и легко понял, а только смысла не видел всё равно никакого. Во-первых, не все умеют читать даже цифры, а во-вторых – и самое главное – а какая разница, какой идёт год? Но зато Ясна унаследовала бесполезную страсть к прошлому. Она и к урокам отца всегда относилась внимательно, и сама постоянно просила о чём-нибудь рассказать. Вот сестра и будет преемницей этого ненужного календаря.

- А какие ещё у вас праздники? – спросил пришлый.
- Рождение ребёнка, свадьба, – пожала плечами мать.

– В Гнилке, говорят, ещё какие-то обряды проводят для своих идолов и солнца. А в Топорах праздники в честь боев и основания Топоров. Их Главный решает, когда будет и то, и то. Иногда долго что-то празднуют, – вставил Вол.

– А что такое идолы? – спросил Петька.

Ясь наконец-то изловчился и одной ногой стянул с другой теревший башмак.

– А что, у вас как-то иначе? – проигнорировав любимца, спросила пришлого мать.

– Новый год, свадьба, рождение – как и у вас. Причём рождение каждый год празднуем.

И основание города, да.

– А какой у вас сейчас год? – оживился отец и вдруг, отвернувшись, закашлялся.

– Надеюсь, тебе помогут травы, – обеспокоенно прошептала мать.

– Сто тридцать второй – мы от основания Нового Сибирска их считаем. Ну что, ребята, – перегнувшись через стол, обратился пришлый к Ясю с Волем, – Раз уж вы оба здесь, и никто никого не принёс в мешке – может, вам удалось что-то узнать про убийство моего друга?

Похоже, решил, что о традициях поговорили достаточно.

– Не за столом же! – возмутилась мать. – И не при детях!

– В мешке не носят, там сидят. Это горянки такие для наказания, – проворчал Вол. – Маленькие и неудобные.

Косясь на родителей, которые в любом случае наверняка в бешенстве от всего, что успел Ясь за день, он обстоятельно ответил на вопрос пришлого. Не дожидаясь конца рассказа, мать позвала Петьку с Агнией и повела их в комнату.

– Негусто, – погладил бороду пришлый. – И как вы будете искать этого мальчишку?

– Это как раз очень просто. Пойдём в воспитательный сад. Там как раз работает Ясна.

Вол, не знавший о таком повороте, взглянул неодобрительно. Глаза его совсем покраснели – похоже, незаметно он сумел как следует набраться.

– А если его там не окажется? – усомнился пришлый.

– Там обязаны быть все дети от самого рождения и которые ещё малы, чтобы работать, – сказал, покашливая, отец.

– Но он мог ничего и не видеть, – вздохнул Вол, залезая за добавкой в оставленную на столе кастрюлю.

– Хорошо. Я пойду с вами, – решил пришлый. – Да, и завтра вернёмся в сарай. Лёня остался лежать там. Ещё раз его осмотрим. Жаль, что там всё затоптали – но всё равно стоит попробовать. Вдруг Джерри возьмёт след. Я сразу предложил, но ваш Главный устроил представление, – пришлый презрительно искривился.

– Устроил что? – с негодованием спросила Ясна.

Пришлый многозначительно ухмыльнулся. А отец выразительно глянул на дочь. Похоже, они умели общаться без слов: она поймала его взгляд и опустила глаза.

– Да, ты правильно говоришь. Так и следует поступить, – сказал отец пришлому.

Ясь, признаться, думал, что у отца будут какие-то идеи. Да что там Ясь, если так считал сам Главный? Но если они и были, он не спешил ими делиться, а вместо этого спросил, планирует ли пришлый хоронить друга здесь.

– Видимо, да, не нести же мне его обратно? – удивился тот.

– Можете идти спать. В правой комнате я положила ещё два одеяла, – вернувшись в зал, сказала мать. – Петя сегодня поспит у вас, Ясна.

Сестра делила левую комнату с Агнией, а Ясь правую – с Петькой. Во многих горянках далеко не так просторно: где-то и трое, а то и четверо братьев и сестер живут в одной комнате, да ещё и маленькой. Но это обычно у тех родителей, которые плохие работники.

– Да, я пойду, – с радостью отозвался Вол. Он и правда едва передвигал ноги и чуть не падал – от усталости или от браги.

Но остальные на покой не спешили. Мать убирала со стола. Отец, устроившись на кровати, снял с полки коробку и стал собирать из стеклянных бусин и ракушек украшение на шею – такие хорошо брали в соседних городах. Пришлый пытался накормить собаку капустой, а потом стал её вычёсывать пятернёй. Ясна как ни в чем ни бывало достала из отцовского сундука и разложила на столе свои сокровища – древние бумаги. И только Ясь просто бездельничал, греясь у разведённого на ночь огня, как обычно. Спать ему тоже смертельно хотелось, но больно любопытно видеть пришлого – вдруг он ещё чего расскажет?

– Ты бы почитала уж нам вслух, – попросил отец.

Обычно Ясна сама вызывалась это сделать, и её даже иногда приходилось останавливать, но сегодня она уж очень не в духе.

– Ты точно думаешь, что стоит?

– Почитай, Ясна. Отвлечёшь нас всех от этих ужасных сегодняшних новостей, – отрывисто бросила мать. – Зря ты, что ли, читать умеешь?

Так она заодно – как будто и против воли – способностями сестры похвасталась. Хотя и Яся читать учили, только он до сих пор не понимал – зачем. Бесплезное дело.

– 20 мая 2040 года, – со вздохом начала сестра.

– Это чей-то дневник из старого мира? – уточнил пришлый, продолжая почесывать свою Джерри. – Они тогда многие вели такие записи. У нас тоже сохранилось такое, и есть некоторые, кто их изучает.

– Да, это один из дневников неизвестного, которые сохранил наш предок. Думаем, они были основателями Оси, – объяснил отец.

Пришлый кивнул, и Ясна продолжила:

– Извержения супервулканов не дают возможности восстановить электричество. Оно отключается максимум через полчаса. В прошлый раз сгорела даже лампа и мы решили оставить попытки. Как и прежде, используем генератор и стараемся не думать о том, что дизель уже подходит к концу. Пополнение запасов будет огромной проблемой, и особенно для меня – теперь моя очередь. Не получается и стабилизировать связь, но вчера рация заработала и Кириллу удалось ненадолго поймать сигнал. Кто-то подключился к эфиру – он не расслышал имени, но говорили по-английски – и сказал, что тектонические сдвиги продолжаются, и когда всё это кончится – неизвестно. Планета необратимо меняется с каждым днем. Мы не можем пока оценить масштабы, но каждый день видим своими глазами: вода наступает.

Ясь прикрыл глаза под привычную тарабарщину. Он не понимал ни слова – но и не пытался понять, в отличие от отца, стеклодува и Ясны. Зато чтение всегда славно убаюкивало.

– Говорят, тогда было много льда, а потом всё резко растаяло. Но это сейчас воды много. Её будет становиться всё меньше, и потом она выгорит вообще вся, – вывел из дремоты голос пришлого.

– Мы тоже об этом читали, – подтвердил отец. – Что-то вызвало внезапный разогрев центра мира, и это полностью его изменило. И его, и людей. Наши предки тогда владели технологиями, которые мы сейчас и представить даже не можем – и потеряли их полностью все.

– Наши соседи с болота считают, что люди слишком сильно приблизились к богам, и те их наказали, – отозвалась мать.

– Мы не верим в такое, – сказал пришлый.

– Так и мы тоже. Но в действительности есть что-то непостижимое в том, что уцелела лишь малая часть жителей. Ведь двести лет назад – в 2022 году – в мире жило восемь миллиардов девять миллионов человек, и эта цифра есть во многих записях. Можно ли только такое представить? – отец воодушевлялся, и голос его повышался, но потом он снова закашлялся.

– Да, мы тоже встречали эти цифры. Но и сейчас, как думают наши изучающие, людей немало – тысяч восемьсот.

Интересно, где они все живут? Далеко на севере? На островах? Ясь ни в каких фантазиях не мог представить себе такое количество людей. Да и зачем? Ясь снова прикрыл глаза.

– И у них было всего в достатке: земли, животных, почвы, пресной воды... И они умели делать совершенно невозможные вещи! Они могли говорить на расстоянии, продлевать жизнь, быстро передвигаться – и даже летать!

– И, видимо, сделали что-то такое, что вызвало катастрофу и почти всех погубило, – отозвался пришлый. – Но мы все равно не поймём, ни как они это сделали, ни что именно они умели, и даже что тогда произошло – и то мы можем представить только в общих чертах. Знаешь, что я думаю? Некоторые их знания могут быть полезны и нам – и стоит их изучать. Но идти при этом нужно вперёд. Мы все равно не сможем пойти их путём: мир слишком сильно изменился с поры катастрофы. И он продолжает меняться.

Ясь, не открывая глаз, кивнул – наконец-то здравая мысль.

Отец, пришлый и Ясна продолжали разговор о непостижимом, вставляя то и дело непонятные Ясю слова из древних бумаг. А он под их бубнёж задремал, положив руки на стол, а на них голову. И неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем мать растолкала его и велела идти спать в комнату.

Глава 3. Лоскут и кролик

Спать на одной кровати с двумя мужиками – совсем не то, что с маленьким братом. Вол омерзительно храпел, и большую часть ночи и Ясь, и пришлый пихали его кулаками. Только удалось задремать – и тут на постель запрыгнула зверюга. Ясь напрягся, боясь не то, что шевельнуться, а даже дышать. А она топталась прямо по нему, шумно дыша и обнюхивая лежащих, а потом громко, с визгом, зевнула и улеглась всей тяжёлой тушей прямо на ноги. И как тут спать? Даже если и уснёшь чудом, дёрнешься во сне – и эта Джерри точно что-нибудь откусит.

И всё же Ясь уснул. Но мать тут как тут:

– Вставайте! Утро уже!

Впрочем, никто сегодня не выспался. Выглядели одинаково хмурыми, понурыми, помятыми. И это не изменилось после того, как по очереди ополоснули лица в умывальной бочке. Завтракали хлебом, который мать подогрела на огне, и молоком – его она достала из холодного ларя, выдолбленного под полом.

Своё молоко, к неудовольствию матери, пришлый прямо в чашке отдал собаке:

– Она уже сутки не ела.

Отец встал из-за стола первым.

– У меня корова болеет, всю ночь не спал – думал, как там она. Вчера вот бросить её пришлось... Пойду уж, проведу.

– Корова! – всплеснула руками мать. – А сам? Ты снова всю ночь прокашлял. Подожди, я хотя бы нагрею тебе травяной отвар из лечебницы.

Отец согласился. Пришлый вспомнил, что ему что-то нужно забрать, и вернулся в комнату. Свой тёплый, подбитый шерстью ночной плащ и увесистый по виду мешок он оставил там, у кровати. И как только Ясь, поднявшись, обратил на это внимание, бес всё шептал – до чего любопытно было бы их обшарить. Нет, Ясь не собирался ничего красть. Но всё же – какие штуки, кроме древесной браги в плоских флягах, он ещё принес с собой из дальних земель?

Наконец, все разошлись. Мать – ругаясь, что теперь совсем опоздала, как будто не сама решила задержаться из-за отца. Ясна, и сегодня хмурая, схватила за руки брата и сестру и буркнула «до вечера». Отец пожелал на прощанье удачных поисков.

Ясь, Вол и пришлый со зверюгой тоже вышли на улицу.

– Да, по старому календарю 2222 год, – оценив надпись на стене, отметил пришлый. – Всегда забываю, откуда вёлся отсчёт.

– От чьего-то рождения, – ответил Ясь, вспомнив рассказы отца.

– От чьего?

– Точно не помню. Кажется, какого-то Главного.

– Наверное, достойный был правитель, – кивнул пришлый. – Ну так идём? Сначала в сарай, потом пройдем по следу, если получится. А после уже ваших свидетелей будем искать.

Вол и Ясь спорить не стали. Побрели.

– А может, это и не местные, а ты сам, а? – неожиданно пробубнил Вол и остановился. Глаза у него красные, опухшие. Ночь в компании Яся и пришлого после браги, похоже, сказалась на нём крайне скверно. – Ну никогда в Оси такого не было – и тут вдруг вы.

– А скор ты на расправу, – хмыкнул пришлый. – Может, и я. Да только для чего я с Лёней столько недель к вам шёл и только тут горло ему перерезал? Не проще ли было где-нибудь на дороге, чтобы никто об этом даже и не узнал, а?

– Откуда ты взялся вообще? Я его нашёл и побежал к воротам – а когда мы туда вернулись, ты уже там был. Ты что, в сарае прятался где-то? И что вы там делали?

– Я на поиски припасов ходил. Мы пришли к вам только накануне. На ночлег нас не взяли – нечего было выменять, кроме браги, а та баба в ночлежке брагу отчего-то не захотела. Может, из ваших кто, из охранников, поблизости тёрся да вспугнул. Вот мы и залезли в тот сарай переночевать. А утром Лёня с вещами там остался, а я с собакой ушёл.

– Какие припасы? Тебе же нечего менять?

– Но есть-то хочется.

– Так ты что, ещё и вор?

– Я этого не говорил.

– Ну, нас всех там точно не было, значит, это хотя бы не мы, – решил разрядить обстановку Ясь.

Под подозрением оставались всего-то десять тысяч осийцев.

– Да я это... Что-то мне как-то никак с утра, – признался Вол.

– А зачем нужно было его убивать? – подумал вдруг Ясь.

– Зачем вообще убивают, – пожал плечами Вол.

– Да, зачем?

Раньше Ясь об этом не задумывался. Никогда не возникало причины для таких мыслей.

– Ну... Может, он кому-то помешал, – прогнусавил Вол и протянул руку для приветствия поравнявшемуся с ними охраннику в сером жилете. – Здорово, Кир.

– И кому бы только Лёня мог помешать? Мы никого тут не знали, – сказал Дмитрий.

– Или что-то лишнее увидел, – неохотно добавил Вол.

Интересно. В таком случае, если бы у Яся был нож, то вчера ему следовало зарезать Вола, заставшего его на прогуле и питье браги?

– А может, у него что-то хотели украсть, – продолжал Вол. – Хотя это тоже вряд ли: для этого нужно знать, что у него при себе было. А если их даже на постой не пустили, то, выходит, ничего ценного не было.

– Но, может, если бы мы поняли, зачем, то и поняли бы, кто? – продолжил Ясь.

– Мысль-то верная у тебя, да только ума не приложу, какой мог быть мотив. Сколько сам думаю, ничего в голову не приходит, – признался Дмитрий. – Не представляю, что могло произойти с Лёней в этом сарае.

– Туда носят дрова с лесоповала, где я работаю, – уныло сказал Ясь. – А потом их разбирают на свои нужды, когда помощники Главного добро дают, или выделяют за работу, как все материалы. Кто-то мог и днём зайти туда за дровами и увидеть твоего Лёню. Может, не ожидал, напугался и потому убил?

– Такое могло быть. Но только вы ж тут все в один голос говорите, что у вас так не принято. Да и как он из кармана-то у него перед этим нож вынул? Лёня с ним не расставался.

– Давайте на самом деле сначала ещё раз посмотрим, а потом будем гадать, – на сей раз на удивление здраво предложил Вол.

У входа в сарай на колоде сидел охранник. Видимо, день не задался сегодня у всей Оси – и этот хмур. Шмыгал носом и чертил что-то палкой у себя под ногами.

– Эй, Захар! – окликнул Вол.

Тот поднял голову, глянул без интереса.

– Нельзя сюда. Старший сказал – никого не пускать. Только Петра из коровника.

– А нам Главный сказал – искать, кто убил пришлого.

– Отстань, Вол. Ничего не знаю. Я только вчера из Топора вернулся – и сразу сюда посадили. Даже передохнуть не дали. Но указание от Старшего вполне ясное было.

Дмитрий, глядя на перепалку, в усмешке скривил губы.

– Так всё верно – я сын Петра, – сказал Ясь. – Меня и надо пустить.

– Про сына что-то не помню, чтобы он говорил, – скривился охранник. – Да ладно. Заходите, мне-то что. Под твою ответственность, Вол.

В сарае было темно – фонарь давным-давно погас – и пахло прескверно. У Яся аж в глазах зарябило. Сделав вдох, он едва не задохнулся и спрятал нос в рукаве.

Вол достал свои драгоценные спички, чиркнул и добрался до фонаря. Вместе со светом пошёл чад прогорклого масла, добавляя смрада в общее зловоние. Ясь жалел о том, что не захватил хотя бы шарф, чтобы укрыть лицо – но как он мог заранее догадаться?

В центре, чуть ближе к дальнему краю, по-прежнему под тряпками лежал человек.

Дмитрий спрятал нос в ворот рубахи.

– Ну что, давайте осмотримся. Джерри, сидеть.

Он подошёл к углу сарая и показал пальцем.

– Вот здесь был наш мешок. Рядом с ним сидел Лёня, когда я ушёл. Ничего здесь не вижу.

Вол вместе с фонарем двинулся в угол, снова оставив Яся в темноте. Красноватый свет плясал по штабелям дров, каменной стене и земляному полу.

– Тут полно следов, – сказал он.

– Ещё бы. Кто тут только со вчерашнего дня не топтался. Чем они нам теперь помогут?

Дмитрий приблизился к телу.

– Когда я вернулся, дверь была распахнута. Джерри забежала внутрь первой и стала ску-лить, я зашёл следом и увидел Лёню тут, где он и сейчас.

Пришлый поднял тряпку. Вол встал рядом, держа над телом фонарь.

– Вот так он и лежал – на спине, откинув голову, с перерезанным горлом. Интересно, надолго он теперь останется здесь?

– Совсем юнец, – заметил Вол, не ответив. – А ты чего там стоишь? – обратился он к Ясю. Без малейшего желания Ясь приблизился.

Крепкий, большой, и такой же светловолосый и конопатый, как Ясь. Лицо приятное, мягкое. И действительно молод – хорошо, если не младше Яся, которому, как говорил отец, идёт двадцать шестой год. Обычно к этому добавлялось: а он всё ещё не вырубил горянку и даже не договорился в Главном доме о выделении для неё места, а ведь у многих уже в его годы свои дети растут.

И, похоже, по тому же пути решила идти и Ясна, которой на пару лет меньше. Соседи иногда перемывали им из-за этого кости, но отцу за хорошую работу выделяли достаточно пищи и материалов, и Главный его уважал, так что не слишком явными косыми взглядами соседи и ограничивались.

– У него есть семья? – Ясь продолжил вслух поток мыслей.

– Да, мать в Новом Сибирске. Он у неё единственный был, – глухо сказал в воротник Дмитрий.

Видимо, ещё и тяжело больная женщина, раз у неё всего один сын. Ясь вздохнул о судьбе незнакомки.

– А нож? – прервал скорбные мысли спутников Вол.

И посветил туда, где его нашли накануне. Испачканное в густом и черном оружие блеснуло у пленницы.

– Там он и был вчера, – подтвердил Дмитрий. – Я-то сначала его не трогал, но зато потом потрогали все.

Наклонившись, Вол поднял нож и принялся крутить в своих толстых пальцах.

– Занятный. Я прежде таких не видал. В Топоре иначе их делают.

– Везде свои мастера, – отозвался Дмитрий.

– Могу я себе оставить?

В полутьме Ясь не мог в деталях разглядеть выражение лица пришлого, который вдруг вытянул губы трубочкой и поднял брови.

– Ну, если ты думаешь, что он поможет найти виновного, то конечно. Но похоронить бы я его хотел вместе с Лёней. Он никогда с ним не расставался. Это подарок его отца.

Вол отрезал ножом кусок тряпки, скрывавшей тело, и, завернув в неё оружие, сунул в карман штанов.

– А где его отец? – спросил Ясь, которого отчего-то продолжало тянуть в переплетения семейных деревьев.

– Каннибалы забрали, – спокойно сказал Дмитрий.

Ясь аж поперхнулся и захлебнулся воздухом, и теперь вовсе не от запаха.

– Давно это было, во время их последнего налёта на город. Лёнька ещё ребёнком был. К нам до того несколько лет никто не заходил, вот и расслабились. Ну, Новый Сибирск мы отбили тогда, а потом уже поняли, как избегать такого.

– И как?

– Давайте уже закончим и на воздух пойдем, – недовольно перебил Вол. – И там уже обсуждать будете всё, что хотите.

Неужели ему не интересно? Ясь от такой жуткой истории почти совсем забыл о запахе и даже немного – об умершем.

Вол двинулся с фонарём вдоль пленницы, и возле неё – уже ближе к выходу, далековато от тела – Ясь вдруг заметил какой-то белый клочок.

– О, смотрите, там что-то валяется.

– Где? – не понял Вол.

– Да вон там же, – указал пальцем Ясь.

Дмитрий увидел предмет первым. Поднял, покрутил в руках. Вол приблизил фонарь и взгляделся. Подошёл и Ясь.

– Кусок одежды. Как видно, рубахи, – уверенно сказал Вол. – Пойдём лучше на улицу и там рассмотрим. А здесь даже не представляю, на что ещё можно смотреть, – договаривал он, уже спеша к двери едва не бегом.

Оставалось только последовать за ним.

– И что нашли? – лениво спросил охранник.

Вол жестом остановил пришлого, который собрался ответить, и заговорил сам:

– Пока осматриваемся. Может, позже еще зайдём.

Быстро двинулись за сарай.

– Не надо ничего пока никому говорить и показывать. Мало ли, кто это сделал, – объяснил Вол.

– А ты не такой тупой, каким кажешься, – ухмыльнулся Дмитрий.

- Тупой? – задохнулся Вол. – А не врезать тебе за такое?
- Угомонись, – продолжал ухмыляться пришлый. – Тряпку-то будешь смотреть?
- А Яся уже кусал за локоть вчерашний бес.
- Драки запрещены, – довольно противным тоном сказал он.
- Зло зыркнув на него, Вол сказал:
- Показывай.

Дмитрий вынул из рукава быстро в него втянутую у входа в сарай тряпку. Сероватая, плохо отбеленная, грубая ткань.

- Рабочая рубаша и есть, – подтвердил Вол. – Здесь чуть не каждый в таких ходит.
- Неровный кусок. Вырван – кто-то зацепился за поленницу, убегая, и рванул. А крови нет. Можем понять, какого он был роста, – задумался Дмитрий.
- Как? – не понял Вол. Ясь тоже не понял, но промолчал.
- Наверное, он зацепился рукавом за какой-то сук. Поймём, за какой, и по длине руки предположим, какого он роста.
- Ну, ты тоже не такой и тупой, – фыркнул Вол. – Пошли обратно.
- Превозмогать спазмы Ясь начал ещё по дороге.
- Что, уже вернулись? – удивился Захар на входе.
- Вол отмахнулся.

Вдоль поленницы, сверху донизу, поставив на пол фонарь, лазили довольно долго и собственную одежду испачкали и наставили затяжек – не говоря о том, что она пропиталась запахом умершего и масла. Зрелище, наверное, ещё то: даже собака, казалось, смотрела с недоумением. Но поленья обработали на совесть перед доставкой: смена, которая их заготовила, точно не состояла из таких тунеядцев, как Ясь.

Однако острые сучья всё же нашли: у самого пола там, где валялся нож, и недалеко от того места, где Дмитрий оставил Лёню – почти у крыши.

- Или он гигант, или мышь, – цокнул Дмитрий.
- Или прыгал, или уползал.
- Или это ребёнок, который увидел что-то страшное и напугался, – вдруг отчего-то вспомнив, как любит подкрадываться и подглядывать за старшими Агния, – совсем как он сам в детстве, – сказал Ясь.
- Хм, а ведь и правда что, – согласился Дмитрий.
- Вол кивнул.

– А тряпку я оставлю себе, – сказал Дмитрий на улице. – Мы к одежде её потом приложим и поймём, что человек в ней точно был здесь.

Осталось только найти такого человека.

- Фу, – шумно выдыхал Вол.
- Увидев уличную бочку с питьевой водой, он бросился к ней и жадно напился.
- А может, в лес? – наклонившись к нему, искусителем шепнул Ясь.
- Отвали! – рывкнул, багровея, Вол.
- И о чем шепчетесь? – Дмитрий не оставил эту маленькую стычку незамеченной.
- О браге, – неожиданно сказал Вол. – Мелкий выпить хочет, но тебя стесняется. У тебя нет?
- Все в мешке, – развел руками Дмитрий. – Не подумал, что прямо с утра пригодится. Да и мы вроде к детям собрались?
- Или Ясю показалось, или взглянул с неким неодобрением?
- Слышал? Вот и потерпишь.

Какой находчивый оказался, подлец! А по виду – Вол и есть.

– До чего же ужасный запах. Так в носу и стоит, – сказал Ясь, когда пересекали рыночную площадь. Здесь всегда всё приятно пахло, от свежих опилок до булок, но сейчас все забивал мерзкий смрад сарая.

– Такой бывает всегда, – ответил Дмитрий и спокойно добавил: – До чего есть охота – аж бурлит в животе. Хлеб с молоком – это для младенца еда, а не для меня и собаки.

– Всех кормят днём на работе, – сказал Вол. – Но ты же пришлый. Можем зайти в ночлежку.

– Мне менять с собой точно нечего.

– Как и мне, – заметил Вол.

– А правда, что у вас мясо тут не едят?

– Правда.

– И что, совсем нигде?

– Нигде. Это против правил, – насупился Вол.

– А что ты там говорил про лес, малой? – повернулся Дмитрий к Ясю.

Какой ушастый! И чего притворялся, что не расслышал?

– Ну... У меня там спрятано кое-что.

– А далеко идти?

– Обратно придётся топтать и крюк порядочный теперь сделать. Надо было сразу. Хотя...

Можем махнуть через частокол.

Вол нахмурился и снова побагровел.

– Что, ты ещё где-то его испортил?

Дмитрий не дал ответить:

– Согласен. Пошли. Эх, только вот соли бы где раздобыть.

– Ну, допустим, у меня есть коробок. Я ж в казарме живу, по-походному. А на что тебе? – спросил Вол.

– Потом увидишь.

– Да уже вижу, что и сегодня мы будем без толку весь день сапоги топтать, – сказал Вол.

– Ты можешь с нами и не ходить.

– Ага, конечно! Я вот за этим следить должен, для начала, – ткнул он пальцем в Яся.

Дмитрий опять ухмылялся.

– Так идём?

Ясь провёл их к ещё одному своему лазу – не такому удобному и не слишком нужному: он далеко от дороги и ведёт просто в лес. Но иногда и он пригождался, когда нужно незаметно улизнуть и переждать, или же окольным путём вернуться.

– И много тут у вас таких лазеек? – спросил Дмитрий, успешно протиснувшись следом за Ясем, хотя был куда крепче и выше.

– Ну так. Есть немного, – уклончиво сказал Ясь.

– Вы бы с ними поосторожнее. Мало ли кто узнает, да решит навестить вас, когда не ждёте.

Собака тоже легко последовала за хозяином, а Вол ожидаемо застрял в частоколе. Дмитрий дернул его что есть мочи, помогая выбраться. Получилось не с первой попытки.

– Да кому к нам лезть? Рядом только топоры и гнильцы, а им какой смысл так прокрадываться? Мы с ними торгуем, – удивился Ясь.

– Молод ты ещё. Вот проследит за тобой кто-нибудь – и приведёшь неожиданных гостей, да поздно будет.

– Здесь такого не бывает, – поддержал Яся освобождённый Вол.

Пошли на поляну. Ясь выкопал из тайника бутыл. Дмитрий приложился только раз, а потом сломал палку, достал нож и принялся её точить.

– Что ты делаешь? – спросил захмелевший и мигом подобревший Вол, приподнявшись с травы, на которой улегся. Выпив, он легко изменил мнение – заявил, что надо и передохнуть после сарая.

– А вот увидишь, – посмеивался Дмитрий.

Наконец, осмотрев палку, снял для чего-то сапоги и скомандовал:

– Джерри, ищи!

Послушная ему собака сорвалась, как поднятая ветром, и шмыгнула в серые безлистные заросли. Вскоре она странно тонко пискнула оттуда. Дмитрий приложил палец к губам и на цыпочках подкрался к зверюге. Снова раздался писк – истошный, мучительный. Вол и Ясь переглянулись. Ясь ничего не понял, а Вол вскочил, сжимая кулаки.

– Вот же гад!

На поляну вернулся Дмитрий. За уши он держал окровавленного мёртвого кролика. Ясь снова почувствовал тошноту.

– Что ты наделал! – воскликнул он.

– Вот что ты творишь? – Вол пихнул его в грудь. – Сказано же – нельзя.

Отступив на шаг, Дмитрий размахнулся и ударил Вола своей добычей. Теперь отступил тот – скорее от неожиданности.

– А тебе сказано – угомонись! Вы мне сами на каждом шагу говорите – пришлый, с чего я должен по вашим правилам жить? Я жрать хочу! И собака тоже. Не хотите – не надо.

Вол чесал голову, а Дмитрий, как ни в чем ни бывало, бахнулся на прежнее место на землю и разрезал кролика.

– Ты просто урод, – сказал Вол. – Так нельзя.

– Хорошо, я понял. И что ты со мной сделаешь? Запрёшь в мешке? Изгонишь?

– За убийство у нас изгоняют, – чувствуя, как щиплет в носу, Ясь отвернулся. Он совсем не хотел видеть, что происходит с кроликом.

– Изгоняйте, – сказал Дмитрий. – А пока, малой, ты бы палок и веток для костра набрал, что ли.

– Здесь нельзя жечь костры, – тихим и чужим голосом сказал Ясь.

– А ну..., – Вол неожиданно выругался запрещёнными словами. – Идите вы оба.

При этом пошёл он сам. Но недалеко. Принялся собирать хворост и ветки.

– Научить тебя кролика разделывать? – дружелюбно предложил Дмитрий, бросая окровавленный, тошно и одновременно сладко пахнувший кусок со шкурой собаке. Та заскулила, завилыла хвостом – и тут же бросилась на добычу, проглотив практически в один миг. Зверюга!

Ясь помотал головой.

– Тогда попроси у нашего приятеля соли. Он обещал.

Вернувшийся с ветками Вол вынул из одного из наколенных карманов коробок и швырнул перед Дмитрием. Молча и сопя он принялся сооружать костёр. По его краям воткнул две палки, разрезал их сверху и приспособил между ними третью – перекладину.

– А ты знаешь, что делаешь, – отметил Дмитрий.

– Отвали.

Закончив с костром, Вол вырвал из рук Яся бутылку и уселся на землю. Дмитрий что-то насистывал. Обмазав то, что осталось от кролика, солью, он насадил это на верхнюю палку и принялся периодически вращать над костром.

Теперь пахло так приятно и аппетитно, что слюни выступили, а в животе забурчало.

– Уже почти готово. Тут и жарить-то толком нечего – мелкий попался, – прокомментировал звуки Дмитрий.

Разделив кролика ножом на три части, он нанизал их на палки и две из них передал Ясю и Волу, а сам забрал бутылку и отхлебнул, прежде чем вонзиться желтыми мощными зубами в совсем еще недавно живую плоть.

– Ты каннибал, – сказал Ясь.

– Ничего подобного. Человека никогда не ел и не буду, а они для того и созданы. Сильный всегда ест слабого.

С надеждой Ясь посмотрел на Вола, но тот жевал свой кусок.

– И чего ты ждешь? Жуй, пока не остыло. Не пропадать же теперь, – рявкнул он, поймав взгляд Яся.

Со страхом и любопытством Ясь приблизился губами к горячему и ароматному. Коснулся языком, робко откусил маленький кусок, принялся жевать... О, как же вкусно! Ясь впился в мясо.

– Нравится? Ну, то-то же, – с удовлетворением отметил Дмитрий, жуя.

На троих допили бутылъ – Вол прикопал её в земле вместе с костями кролика – и двинулись обратно к лазу. Ясь ощущал себя сытым и довольным преступником.

– Только смотри – об этом ни слова! Никому. Ни отцу, ни другу, ни девке. Всем тошно будет! – шепнул Вол.

Ясь кивнул. Это и так понятно.

– Ясна, к тебе брат!

Выглянув из-за занавески, сестра первым увидела Яся и улыбнулась, но потом заметила Вола и помрачнела, Дмитрия – и окончательно потухла.

– Долго же вы сюда шли – с самого вечера, – язвительно сказала она.

– Мы осматривали, – Ясь покосился на Вола. – Другие места.

Ясна сморщила нос и нахмурилась.

– Ясь, ты что, снова пил брагу? – слегка наклонившись к нему, еле слышно шепнула она. Ясь помотал головой.

– Дети сейчас спят. Сегодня почти все пришли, те, кого нет, тебе не подходят. Такого возраста, как ваш, в самой большой спальне. Ясь, ты пойдёшь один. Постарайся их не перебудить. И – она оглядела ноги гостей – все снимайте свои башмаки да сапожищи.

– Чище будет, – подтвердила воспитательница Нина.

Делать нечего – разулись. Легкая, тонкая Ясна бесшумно скользнула по коридору, тряхнув светлой косой до пояса, перевязанной желтой лентой, и отодвинула занавеску у одного из проёмов.

– Иди сюда. Тихо! – напомнила она.

Деревянные кровати стояли в спальне в пять рядов по десять в каждой, и на первый взгляд все дети выглядели одинаково. Как узнать среди них того мальчишку? Ясь начал медленно обходить ряды, вглядываясь в лица. Мальчишки, девчонки... Нет, на самом деле они все разные, как плоды яблони – в каждом что-то особенное. Хорошенькие и не очень, конопатые и белые, как молоко, землистые, смугловатые... Но не тот.

Он совсем уж было отчаялся, когда в конце третьего ряда увидел мальчишку с рынка. Да, это точно он! Тёмный, кучерявый. Нашёл. И что с ним делать?

Ясь осторожно, чтобы не разбудить, поднял ребёнка и понёс к выходу. Но тот всё же проснулся – и от страха закричал. Остальные проснулись мигом – и испуганно вторили испуганным эхом. Ещё шаг – и в огромной спальне уже стоял оглушительный плач, а на встречу бежали Ясна и Нина с искаженными раздражением лицами.

Плюнув, Ясь решил идти дальше, а отношения с сестрой выяснить дома. И понёс мальчишку дальше к выходу.

Тот пищал и вырывался:

– Куда ты меня несёшь? Мама! Мама!

Спутников в саду уже не было – ретировались. Подхватив кое-как ботинки, Ясь выскочил на улицу.

– Ну ты и тихий, – укорил Вол. – Даром, что у тебя дома двое таких же.

– К детям тебя точно лучше не подпускать, – поддакнул Дмитрий. – Точно хоть тот?

Ясь поставил зарёванного ребенка на землю, крепко держа за рубашку, чтобы не вырвался.

– Да вроде тот.

– Вроде?

Мальчишка посмотрел на него. Мокрые глазищи чёрные – точно он.

– Ты не бойся. Мы тебя только спросим, – примирительно сказал Ясь, отчего ребенок заревел ещё горше.

– Тебя как зовут, парень? – присел на корточки Дмитрий.

– Никита, – сквозь слёзы выдавил тот.

– Хочешь грушу?

– Да!

Дмитрий вынул из кармана грушу и протянул ребёнку. Украл в лесу!

– Ну ты и гад, – вторя мыслям Яся, отозвался Вол.

Мальчишка начал жевать. Дмитрий потрепал его по голове.

– Такой большой парень, почти мужик, а голосишь, как девка. Ну ты чего?

– Напугался, – шмыгнул носом ребёнок.

– Ты вчера в дровяные сараи ходил. Я тебя видел, – сказал Дмитрий.

Ребёнок снова скукислся, готовясь к новой руладе.

– Да погоди ныть! Я не ругать. Шустрый ты малый, наоборот – так ловко дёру дал.

– Во! – показал большой палец Ясь.

– Ага, – согласился ребёнок.

– Ты в сараи заходил, а видел там ещё кого?

– Да. Там девчонка была, убегала оттуда. Я в один зашёл – а она из другого. Твоя собака?

– Да. Хочешь, погладь. Она не укусит. А кто она, эта девчонка?

Мальчишка помотал головой, бесстрашно погрузив пальцы в длинную шерсть Джерри. Ясь бы на такое не отважился.

– Я только платье видел. Я в самом низу сидел, на полу у двери. Слышал, там рядом дверь – хлоп, и она мимо пробежала. И всё.

– Светлое платье?

– Ага. Как у всех.

– А корзина была при ней? – спросил Ясь.

– Не видал.

Больше мальчишка ни в чём не признался. Дмитрий взял его за руку и отвёл в воспитательный дом. Вернулся почти тут же, и снова с ухмылкой.

– Похоже, та самая. С корзиной, – сказал Ясь.

– И что, в Гнилку за ней пойдём? – с тоской спросил Вол.

– И далеко она? – уточнил Дмитрий.

– Оборот солнца пути. Ну, или день – как у вас говорят, не знаю.

Дмитрий кивнул в знак, что понял.

– А если она не в Гнилке? Если сбежала вообще? – усомнился Ясь.

Лично он бы так и сделал на её месте. Но она-то точно не такова, как он: убила пришлого, а потом спокойно пошла стирать, как будто так и надо. Зачем же только она это сделала? Ведь для такого точно должна быть причина.

– Если так, то мы только время зря потратим и все ноги вконец сотрём, – сказал ненавистник прогулок Вол. – А если и нет, все равно разминуться можем. Не проще ли уж один-то день её здесь дожидаться?

– Надо подумать, – склонил голову набок Дмитрий и вдруг округлил глаза. – А про тряпку я и забыл. Вдруг Джерри след возьмёт.

– Да какой там след – сколько ты уже таскаешь её в кармане рядом не пойми, с чем, – проворчал Вол.

– Джерри! След! – вынув из кармана кусок рубахи, Дмитрий сунул его зверюге под нос. Понюхав его, она встала и медленно, словно нехотя, куда-то пошла.

– Что, идём?

– До чего же вы меня умотали, – простонал Вол.

Джерри шла к горянкам. И остановилась у той, у которой написано «2222».

– Даже собака знает, что на сегодня хватит, – устало пробубнил Вол.

Глава 4. Старые чертежи

– О, сегодня грибы? – Ясь ещё от порога учуял вкусный запах.

– Пришли торговцы из Гнилки, и я обменяла на них немного хлеба. Не только же овощами вас угощать, – мать улыбнулась Волу и Дмитрию и стала накрывать на стол.

Похоже, к ней вернулись приветливость и гостеприимство. Или же она просто взяла себя в руки. Хотя вчерашних перемен в настроении матери Ясь так и не понял. Казалось, что она жалела припасов – но только с чего бы? Их семье отца всегда выдавали в избытке.

Зато Ясна снова не в духе. Посмотрела на Яся и гостей недобро и уставилась в стену. Наверное, злилась из-за детей в саду, но пока молчала.

– Мама, а мне можно грибы? – занял Петька.

– Конечно, дорогой. Подожди, сейчас и вам наложу.

– Варёные? – удивился, заглянув в миску, Дмитрий.

– А какими ещё им быть? – спросила мать.

– Можно, например, пожарить – получается вкусно.

Ясна фыркнула.

– Да и правда, – согласился Дмитрий. – Что это я учу тебя, хозяйка? Спасибо, что кормишь.

– А я не против новых рецептов, – добродушно сказала мать. – Только на чём их жарить?

– Так прямо на огне.

Обсуждали способ, очень напоминающий то, что произошло с кроликом, когда вернулся отец. А с ним заглянул и его друг – стеклодув Михайла. Большой, седой, курчавый, бородатый – на идола гнильцов похож, деревянные изображения которых они приносят в Ось на продажу и сами носят на шеях.

– Дядя! – увидев старика, Ясна ожила и чуть ли не засветилась. От улыбки прорезались ямочки на щеках и подбородке, голубые глаза засияли.

– Здравствуйте! – широко улыбнулся сосед, показав недостаток зубов.

– О, а вы все уже дома? Как успехи, искатели? – спросил отец. Вот и у него неплохое настроение.

– Ну, мы почти нашли виновного, – отозвался Дмитрий.

– Ого, вот как! И кто же он?

– Это... – начал Ясь и столкнулся со зверским взглядом Вола. – Для начала надо убедиться. А потом всё расскажем.

– Займёт пару оборотов солнца, не меньше, – добавил Вол.

– Не доверяете, значит? – рассмеялся Михайла. – В вашем деле оно, наверное, и верно. А лица-то все новые – рад видеть свежих людей в Оси.

– Я местный, – сказал Вол.

Стеклодув взгляделся в него.

– Прости, сынок. Старею – всех уже и не помню, и не знаю. А когда-то ведь чуть ли не каждого осийца мог узнать и по имени назвать. Помнишь, Пётр? Мы даже спорили.

Отец с улыбкой кивнул, поправляя на носу стёкла.

– Ну а тебе-то точно добро пожаловать? – сосед протянул Дмитрию мощную ладонь для пожатия. – Я Михайла, стекольный мастер. Стекло делаю из песка, а из него потом окна режем с сыновьями, да ещё кое-что по мелочам.

– Много чего! – оживилась Ясна. – Очки вот отцу и даже солнечные панели!

– Да скажешь – много. Так, помаленьку. Пытаемся вот с Петром да Ясочкой по чуть-чуть кое-какие старые технологии возродить, – Михайле явно приятно внимание к его умениям. – Ты-то как сама, невеста-красавица?

Старик уселся за стол между Ясем и Дмитрием. От него горько пахло потом. Ясь поморщился. Возможно, ко всем остальным своим спутникам он за день просто привык и потому их запахи уже и не замечал.

– Хорошо, дядя. Да только не невеста я. Мне и здесь неплохо.

– Ну что ты, зайка! Пора уже...

При слове «зайка» Ясь непроизвольно сглотнул.

– Дядя, а нам сегодня в саду говорили, как деревья сажать, чтобы лес остался! – поделился Петька.

– Да ты что! Ну, это дело полезное, – стеклодув потрепал брата по светлой голове и обратился к Дмитрию. – Вот, сосед, следим за восполнением лесов с детства, всё по науке. А у вас оно как? Новые деревья тоже растите?

– Я издавека прибыл, отец, – ответил Дмитрий. – Не то, чтобы уж сосед. И живём мы иначе.

– А как иначе?

– Наверное, не так спокойно, как вы.

Ясю сразу вспомнилась история про каннибалов. Отчаянно захотелось узнать, чем она закончилась, пусть и семейный ужин не совсем подходящ для таких рассказов. Он уж было открыл рот для вопроса, да Ясна помешала:

– И что, брат, помог вам несчастный малыш?

– Почему несчастный? – спросила мать.

– Очень помог. Он нас на нужный путь и направил, – не дал Ясю ответить Дмитрий. И вернулся к стеклодуву. – А что за солнечные панели? Уже не первый раз про них слышу.

Что это, мог ответить и Ясь: плоские наклоненные листы стекла, снизу покрытые тёмной краской, почти как зеркала. Они стояли на ножках-палках над самым верхним ярусом горянок и отражали свет. А вот зачем они нужны и какая от них польза, толком никто бы в Оси не ответил. Однако это не мешало и отцу, и стеклодуву, и Ясне поклоняться невнятной штуковине. И обсуждать её страстно обожают все трое. Глаза у всех загорелись, и они наперебой принялись объяснять:

– Они могут собирать и передавать энергию солнца другим предметам. Мы думаем, что нашим предкам они заменяли костёр. Если понять, как они работают, то, возможно, мы сможем без огня отапливать с их помощью горянки.

– А с помощью стекла от них получилось добыть огонь, – Ясна с гордостью показала Дмитрию шрам от ожога на руке, забыв о неприязни.

– Мы нашли чертежи в старых бумагах. Кто-то из первых жителей пытался создавать в Оси технологии прошлого. Большую часть, – отец закашлялся, отмахиваясь от участия

матери. – Большую часть записей мы, конечно, понять не смогли – и слова такие не знаем, а где-то даже буквы совсем другие, непонятные. Но с панелями разобрались.

– Я сделаю тебе травяной отвар, – мать встала из-за стола.

За ней подскочила и Агния. Было слышно, как она спросила: «а папа умрёт?»

– Конечно же, нет! Что за глупости. Он просто немного простудился, – вполголоса ответила мать.

Ясь жевал гриб. Вкусный соус, пряный – и всё же обед оказался куда вкуснее. Нехорошая мысль. Лучше выбросить её и вычеркнуть из памяти этот случай. Как он только может продолжать смаковать впечатления об убийстве и поедании живого?!

– А что, есть другие бумаги? – спросил Дмитрий. – Кроме старинных дневников?

– Таких записей, конечно, больше всего. Но есть и старинные книги. Из толстой бумаги, мы такую не научились делать. Да, дочь?

– Может, и научимся, – ответила Ясна. – Но мы и сейчас умеем, хоть и по-другому. У нас и новые книги есть.

Это так. Бумагу для них они делают из опилок. Из смолы и жжённых костей – чёрную краску для записей. Набирают её в полые травяные стебли, пишат, а потом сшивают просохшие листы толстой нитью. Это называется книгой, и у отца с Ясной таких бессмысленных вещей целая куча, да и у стеклодува не меньше. Даже в воспитательном саду есть несколько – по ним читать и писать учат тех толковых, кого планируют отдать на помощь в Главный дом. Ну, или чьи родители захотели. Но таких совсем немного. А считать, наоборот, обычно просят научить все: полезно знать, кому сколько припасов положено, и в работе пригодится всегда материалы уметь считать. Да и чтобы при обмене не продешевить.

– Любопытно было бы глянуть, – заметил пришлый. – На те, которые старые.

– Так вот они, и на полках, и ещё полный сундук, – показал рукой отец и привстал.

– Может быть, посмотрите после ужина? – неодобрительно заметила мать, вернувшись с отваром и Агнией.

– Конечно, хозяйка, – согласился пришлый.

Он снова предложил всем брагу. Как ни странно, на сей раз никто не отказался, включая родителей. В оправдание сказали друг другу, что рабочее время закончено, а за пару последних оборотов солнца все понервничали и устали.

– Ясь, а почему деревья нельзя рубить, а ты рубишь? – напомнил о постылой работе явно воодушевленный сегодняшними открытиями из сада брат.

– Нет, малыш, ты всё не так понял. Дерево – это жизнь: оно нам даёт огонь, чтобы согреться и приготовить пищу, инструменты, чтобы мы могли её добыть, материал, чтобы утеплили свои горянки и сделали мебель, – наклонился к Петьке Михайла. – Без дерева обойтись никак нельзя. Но если мы не будем думать о том, что наступит завтра, то скоро вырубим все деревья – их не останется. Поэтому взамен срубленного садим три новых – возвращаем природе долг. В этом смысл.

– Я понял, – с умным видом кивал Петька.

Потом, уже порядком захмелев, опять вернулись к разговору о панелях. Отец снял и протянул свои очки Дмитрию. Тот их примерил и похвалил работу. Вдохновленная Ясна разрумянилась ещё больше и от любимой темы, и от выпитой браги. Задавали вопросы даже любопытные дети, и только Ясь чувствовал себя лишним. Скучая, он оглядывал собравшихся, и заметил, что явно перебравший Вол не сводил с Ясны помутневших глаз. Это наблюдение вызвало непонятный, но притом не очень приятный отклик где-то внутри.

– Так и что мы будем делать завтра? – спросил он Вола, чтобы отвлечь на куда более неприятную тему.

– Видимо, ждать, – ответил за него Дмитрий, и Ясь снова поразился его способности слышать всё.

– Думаю, нужно рассказать обо всём, что вы уже выяснили, Главному, и там уж как он решит, – мягко сказал отец.

Таким тоном он только приказывал, но откуда пришлому об этом знать?

– Не думаю, – отрезал Дмитрий.

– Всё же ждать? – с облегчением уточнил Вол. – Я согласен. Только передам старшему. А мелкий пойдёт со мной, – он кивнул на Яся.

– Ему бы пора вернуться к работе, – сказала мать. – За все его... Он не слишком хорошо проявлял себя в последнее время и так совсем ничего в седьмое солнце не получит.

Нет, и всё-таки: с каких это пор мать стала так учитывать каждый кусок?

– Вообще-то он и не заслужил. За что ему что-то выделять? Его ждёт наказание, как только вы поможете нашему гостю и решите его вопрос, – также обманчиво мягко напомнил отец. – Но на работу завтра пойдёшь, сын.

– Я должен за ним следить, – сказал Вол. – Но я не могу одновременно быть и с ним в лесу, и в казармах. Пусть он идёт со мной.

Ясь воспрял. Кто бы мог подумать, что перспектива ходить с Волем поблизости от столь любимых им каменных мешков окажется заманчивой! Но сейчас охраннику нет смысла толкать Яся в мешок, и потому это намного лучше гарантированной работы на лесоповале.

– Он никуда не денется, сынок. Уж под нашу стариковскую ответственность, – подмигнул Ясю Михайла. – Куда ему бежать-то, да и зачем? Жизнь у него хорошая тут, на всём готовеньком. Да?

Ясь без особого согласия кивнул. Наверное, хорошая, раз все так считают.

Эх... А спасение было так близко.

– Только за свои дела ответ держать не научился. Но пора уж и взрослеть, – кашлянув, заметил отец.

– А я тогда в городе осмотрюсь, – сказал Дмитрий.

– Могу с утра отвести тебя к Главному, – вызвался отец. – Ты с чем-то ведь к нам пришел – вот и расскажешь ему.

– Я и сам дорогу найду. А для разговоров таких не время. Пусть сначала найдётся тот, кто друга моего убил. Тогда и решу, нужно ли с ним говорить и о чём.

Поражённая таким подходом Ясна вздёрнула светлые брови, но промолчала.

После ужина любители старых бумаг собрались у полка и сундука и принялись переключать их, вороша пыль. Мать, уложив детей – и Вол тоже отправился следом, жалуясь на усталость, и, значит, заглянуть в мешок Дмитрия снова не судьба – уселась с ними рядом. Ясь, как и зверюга пришлого, грелась у огня. Она вытянула передние лапы и положила на них большую голову. В её чёрной шерсти виднелись белые волоски – неужели собаки тоже седеют?

– Джерри, – шепотом позвал Ясь.

Зверюга насторожилась. Шевельнула ушами, подняла голову. Глянула на Яся. Глаза у неё не только злые, но и умные.

Ясь, сам не зная зачем, протянул руку – длинный нос сморщился. Псина низко утробно зарычала, обнажив огромные длинные зубы.

– Фу, Джерри. Свои, – откликнулся, не отрываясь от бумаг, Дмитрий. – Гладь, если хочешь. Не укусит.

Не то, чтобы Ясь желал сделать это. Совсем наоборот: зверюга отчаянно пугала. Но отчего-то не хотелось, чтобы Дмитрий понял, что Ясь так её боится. Он отважился снова протянуть к ней руку и на сей раз коснулся кончиками пальцев жёсткой шерсти. Собака громко вздохнула – совсем как человек. Открыла огромную пасть в зевке – Ясь аж поёжился – и снова уложила голову на лапы. Как и все остальные она, похоже, тоже решила больше не замечать Яся.

Глава 5. Отставшая гнилянка

Ничто не должно было помешать Ясю вовремя попасть на лесоповал. Мать namного заранее подняла его, накормила и выпроводила. Точнее, сама едва ли не за руку потащила, как будто он снова был ребёнком, и она вела его в сад.

– Проводишь меня до пекарни, – сказала она, как будто в такое лестное для Яся объяснение можно поверить. – А потом пойдёшь потихоньку. Хорошо, когда не спешишь, не опаздываешь – тогда дорога в удовольствие. А если настроение хорошее, то и работа в радость.

Вот так. Как с младенцем. Уговаривала. Ясь не спорил: бессмысленно, как и с отцом. Переубедить они друг друга не могли с тех самых пор, как он научился ходить и бормотать первые слова. Слишком много в голове его водилось лишних вопросов. А если задавать их, то отец обычно снисходительно отвечал: «Ты просто ещё слишком мал. Вырастешь, сам всё поймёшь». А мать часто злилась: «Потому что я так сказала!»

И Ясь давно понял, что безопаснее вслух ни о чём не спрашивать. Не всегда удавалось. А так как его реплики встречали недоумение не только дома, он давно решил считать, что просто на самом деле не понимает вещей, которые ясны и однозначны абсолютно для всех. Никто ведь, кроме него, не страдает, например, от мысли – почему надо каждый день всю жизнь вкалывать там, куда распределили ещё в детстве? Все воспринимают порядок вещей как данность. А у Яся просто изъян такой, один из многих – придумывать лишнее, только бы не работать. Не зря ведь все вокруг говорят, что он ни на что не годен. Так и есть.

Об этом Ясь и напоминал себе, расставшись с матерью у входа в пекарню и уныло бредя к воротам. День ещё и начаться не успел толком: небо подёрнуто буровой дымкой.

У ворот дежурил новый знакомый Захар.

– Здорово. А Вола куда сегодня направили?

Он что, решил, что они работают вместе?

– К старшему пойдёт, – не соврал Ясь.

Пригорок, как и всегда с утра, был особенно крут. Ноги еле несли по нему наверх. Ясь пытался посчитать, который теперь день? Каждый седьмой по счёту – свободный: в такой все идут с утра не на работу, а к помощникам Главного, а потом по амбарам да сараям, где по их указаниям выдают заработанные припасы. После хозяйки с младшими детьми идут на базар, чтобы обменять что-то по надобности, а хозяева со старшими мастерят что-нибудь по дому. А после все отдыхают – иногда даже поют, играют на дудочках и барабанах, а некоторые и пляшут прямо на улице. Весело! И можно пить брагу – но это уже только в горянках. И тут главное, когда кровь разогреется, не буянить. А то придут Вол с Захаром и уведут в каменный мешок.

Но сегодня день точно не седьмой.

Преодолев пригорок, Ясь утёр не слишком-то и вспотевший лоб. А не заглянуть ли для начала в лес? Вот и мать же сказала: если настроение хорошее – то и работа в радость. Правда, поредели за последние дни тайники, но всё равно есть ещё места, где можно вынуть из-под земли бутыль-другую. Оглядевшись по сторонам – не спешит ли кто в сторону лесоповала – и заметив людей у ворот, Ясь, пригнувшись, побежал к деревьям. А там, отойдя немного и уже расправившись в полный рост, стал искать очередную приметную корягу. Откопал бутыль, приложился с удовольствием раз, другой. Вот бы сейчас ещё самокрутку Вола! И, хоть и стыдно признаться, но и закусить бы тем самым преступным угощением, которым потчевал Дмитрий.

Да и разговоры бы их Ясь послушал. Даже рассказы Вола о службе куда интереснее, чем обсуждение того, как и где держать пилу, и почему у Яся руки растут не оттуда, и не дерево ли он сам, если никак таких простых вещей не понимает?

За спиной хрустнули ветки. Ох! Ясь вздрогнул и обернулся, за миг решая: бросить бутыль и сказать, что нашёл? Жаль – она почти полна. Не решился ещё до того, как увидел, кто его потревожил.

У деревьев стояла девушка. Наверное, ровесница Яся или немного старше. Смуглая, чёрные волосы собраны в высокий хвост на затылке. Чёрные глаза – длинные, огромные, немного раскосые – подведены снизу краской и сверху тоже расходятся длинными стрелками. На левой щеке большой шрам – как будто удар копья. Какая странная мысль: у кого поднялась бы рука ударить такой необычный яркий цветок? Наверное, просто неудачно уронила на себя что-то. Перетянута сплетённым из веревок поясом, а на шее амулеты с идолами в несколько рядов. Гнилянка.

Фу. Ну, её точно нечего бояться. С чего бы ей Яся сдавать, если она его даже не знает?

– Что ты тут делаешь? – выдохнул он Ясь. – Заблудилась?

Она покачала головой и, приподняв подол длинного, плохо отбеленного грубого платья, показала на свою ногу. Нога как нога: крепкая, стройная. Ступня, обутая в плетёнки из бересты, крупновата.

– И что с ней?

– Упала вон там с пригорка – она махнула рукой – и вывихнула. Идти не могу. Вот наши меня и оставили ждать их, а сами на рынок пошли.

– Одну? В лесу?

Девушка кивнула.

– Как? Холод же по ночам! Да и звери, – сам Ясь никого не видел, кроме кроликов, белок и ежей, но отец встречал и кабанов. А по слухам, вдалеке на севере бродили совсем уж страшные меховые звери. Надо будет спросить о них Дмитрия.

– Да, очень холодно, – согласилась девушка и в доказательство обхватила себя руками. – Прошлой ночью костёр погас, и я думала, что замёрзну насмерть.

– Здесь нельзя разводить огонь, разве ты не знаешь? И лес сгорит, и ты вместе с ним, – Ясь вдруг ощутил себя Волком, говоря его менторским тоном.

– Знаю, но что мне было делать? Да и всё равно он потух.

– А что ты ешь?

Девушка бросила кроткий виноватый взгляд из-под длинных ресниц.

– Ягоды... Я совсем немного, правда. Чуть-чуть.

– Одни только ягоды? – поразился Ясь. – И давно ты здесь?

– Не знаю... Пару солнц точно.

Ясь почесал голову. Наверное, надо ей как-то помочь.

– Будешь? – он протянул бутыль.

– О, спасибо! Я очень хочу пить, – она с жадностью отхлебнула и закашлялась. – Это брага!

– Ну да, – пожал плечами Ясь.

– Ты бы хоть предупреждал. Я такое не пью.

Ясь не стал спорить – забрал бутыль и отпил сам.

– И когда тебя заберут?

– Не знаю... Как обратно пойдут, наверное.

Он задумался.

– Вот что – давай я провожу тебя к твоим в город.

– Нет, что ты! – гнилянка округлила глаза. – Мать убьёт меня, если я её не послушаю. Она сказала ждать здесь!

Такая взрослая – и так боялась матери. Хотя ведь и сам Ясь брёл на проклятый лесоповал по родительскому приказу.

– Вот, смотри, – закатав рукава, девушка показала теперь полноватые смуглые руки. Ясь внезапно разволновался. Запястья покрывали почерневшие синяки. – Это всё она. Она нас бьёт, даже палками.

Да уж, как видно, правы все те, кто говорит, что Ясю легко живётся.

– А кто ещё с тобой был?

– Мать, младший брат и соседка. Они грибы принесли на рынок.

Точно: мать вчера у них, как видно, и выменяла.

– Выходит, ты грибница?

– Ну да, как и мать. Иногда вот тоже плетём на продажу, – она тронула свой пояс, плотно обвивающий стан. – А ты что, в лесу работаешь?

Ясь неопределённо пожал плечами. Отчего-то совсем не хотелось признаваться, что он простой лесоруб.

Не хотелось и бросать её в лесу.

– Пойдём в город. Я скажу твоей матери, что это я тебя нашёл в лесу и забрал, потому что тут нельзя быть, а ты не хотела идти.

В глазах девушки надежда сменилась сомнением.

– С тобой она согласится, а мне потом всё равно выплет. Знаешь, какая она большая? Вдвое больше меня.

– Но и тут быть нельзя. Ты замёрзнешь и умрёшь.

– Но не замёрзла же до сих пор.

– Так у тебя был костёр. А без него ты точно погибнешь.

Поджав губы, она кивнула.

– Может, поможешь мне его развести?..

Ясь быстро замотал головой:

– Ну ты что! Нельзя так, только же говорил. А ещё грибница – лес не знаешь.

– Знаю. Только у нас всё не так. У нас болото, там кусты. Там есть земля, которая горит, мы её уносим в город и её жжём в огне. И в лесу можно тоже, если пришлось. А ваша земля не горит. Я пробовала.

А что, если... Ведь хотели же Дмитрий с убитым Лёней укрыться в сарае – почему бы и девушке там не переждать? Это, конечно, плохая идея: для белоголового молодого пришлого история закончилась печально. Но всё же это лучше, чем оставаться на верную смерть в замерзающем на ночь лесу.

– Пойдём в город. Я проведу тебя в сараи и узнаю на рынке, когда ваши решат уходить. Как соберутся – заранее выведу обратно. А в сарае можно и огонь в земле на ночь развести.

Она нахмурилась и потрясла головой:

– А вдруг увидят, как я буду заходить? Может, они уже обратно собрались.

– А мы через лаз в частоколе пройдем. Никто не заметит.

– Но я не могу идти...

– Я тебе помогу.

Девушка больше не спорила. Приняв это за знак согласия, Ясь сунул в землю бутылку, безжалостно отломал большую ветку, чтобы она могла опереться, и протянул ей:

– Держи. Тебя зовут-то как?

– Вара. А тебя?

Ясь представился. Девушка взяла палку, сделала шаг и сморщилась.

– Ой! Нет, я не смогу. Ничего не получится.

– Держись тогда за меня.

Она обхватила Яся за пояс, а он – её. Второй рукой он взял с земли её мешок. От девушки пахло пряными травами, а сама она была такая мягкая... Вот бы сейчас не вести её в город, а бросить прямо здесь на траву и забраться сверху, и как тогда, с той бойкой топоряжкой... Правда, та сама и напоила Яся, и выманила за город, и оседлала тоже сама.

– Больно? – глухо спросил он.

– Очень, – её дыхание так ласкало шею, что у Яся перехватывало собственное.

Шли медленно, девушка охала и вздыхала. Впрочем, сквозь лаз она пролезла очень проворно.

На сей раз никто по ту сторону частокола не застукал. Вара огляделась:

– Так вот у вас как...

– Ты что, ни разу здесь не была?

– Нет, но мать часто бывает. Я по рассказам её всё знаю.

– Я тоже у вас не бывал. И в Топорах не был, – внезапно признался он.

– И я. Эти сарай? – она махнула головой в сторону.

Но Ясь ещё по дороге передумал. Негоже прятать девушку в сарае с дровами.

– Да. Но пойдём лучше к нам.

Она снова округлила глаза.

– Куда это? Мы так не договаривались.

– В мою горянку. У нас много места.

– Но я тебя ведь даже не знаю! – отшатнулась она.

– А что, я такой страшный на вид?

Она замялась.

– Нет. Но люди разное рассказывают...

Ясь рассмеялся.

– Но точно не про Ось. У нас никогда ничего не ... – начал он и осёкся, вспомнив о том, что произошло всего-то через сарай. И ведь несчастный Лёня – единственный сын северянки – до сих пор там.

– Чего? – заметила его колебание Вара.

– Да так. Идем?

Она ещё немного посомневалась, смешно сморщив нос. Но в итоге сдалась:

– Ну ладно. Но если что – мать обратится к богам, и они тебя проклянут!

– К каким богам?

– А вот к этим, – Вара приподняла амулеты с пышной груди, которой так хотелось коснуться.

– А кто они?

– Ну вот он – Зелень, бог леса, – она указала пальцем на чью-то уродливую деревянную голову. – Она – Мора – болота. Вот этот – Дадя, наш солнечный бог, самый добрый. Это Хмур, он насылает песчаные бури из карьера, – Ось и Топор от них оберегала гора, а гнильцам, бывало, приходилось несладко. – А это Тата, богиня плодородия.

– Ого, как их много!

– Так это ещё не все, – рассмеялась Вара. – Это только мои личные покровители. А вы что, верите в кого-то другого?

– Ну некоторые тут у нас верят в бога-создателя. У него даже храм есть вон там, сбоку на горе – высоко подниматься, – Ясь махнул рукой вдаль. – Кто-то, как мой отец, верит в науку древних.

– Так ты живешь с отцом?

– И с матерью. И с братом, с сёстрами... А сейчас у нас ещё и гости. Ну, или гость, – уж сегодня-то Вол ушёл и не будет храпеть в их с Петькой постели.

– Ну а ты во что веришь? – судя по связке идолов, вопрос и вправду очень важен для неё.

Ясь задумался в поисках ответа, который не приходил. Восхитительная пустота вместо него – он не привык задумываться о подобном.

– Ни во что? – догадалась Вара. – Как топоры? Говорят, они верят только в себя и в силу.

– Ну да, наверное.

Ещё задолго до того, как доковыляли, Вара увидела горянки и поразились:

– Это ваши дома? Как у вас интересно устроено!

– И удобно, – самодовольно заметил Ясь.

Она всему удивлялась: и полкам, и сундукам, и каменной мебели. Поражалась, насколько всё и в самом деле удобно и прочно. Но не меньше восхитили её и тканые и плетёные занавески, накидки и одеяла – работа матери, которая служила больше на радость глаз, чем для пользы.

Ясь угостил Вару молоком, хлебом и оставшимися в подпольном ящике со вчера грибами, а потом решил похвастать ещё одним удобством:

– А у нас тут и ванна есть для мытья. Хочешь помыться?

– Как, прямо здесь?

Увидев каменную ванную за занавеской, Вара пришла в полный восторг. Раз ввязался – делать нечего. Ясь развёл костер – ох и будет ругаться мать – взял ведро и отправился к морю. Вара же, расположившись на родительской кровати, взялась разглядывать отцовские бумаги с полки. Судя по тому, как хмурился её лоб, не понимала ни что это, ни для чего, чем ещё больше завоёвывала расположение Яся.

– А что это ты не на работе? – удивилась встреченная по дороге ткачиха.

– У меня другое задание, – отмахнулся Ясь и поспешил дальше.

Увы, но сегодня у половины города были дела, связанные с переноской вещей: кого только он не встретил, хотя идти совсем недалеко – до выступа в горе, где она закруглялась и шла дальше, продолжаясь горянками. Но и в этот уступ сумело просочиться море. В конце концов Ясь на обратном пути – уже с нелёгкими ведрами – устал объясняться и просто мотал головой.

Толкнув дверь, он вошёл – и едва не расплескал воду от неожиданности: прямо на него выскочила Джерри.

Страх перед зверюгой со вчерашнего вечера улёгся, но разве не должна она была вместе с хозяином гулять по городу до вечера?

– Быстро ты отработал, – заметил Дмитрий. – Вода пресная?

– Нет, пей из бочки. Эта морская, для мытья, – буркнул он, недовольный тем, что в общество его и девушки влез кто–то третий, да ещё и так быстро. Но где же она?

– Вара? – позвал Ясь.

– Тсс, не ори так громко, – Дмитрий прижал палец к губам. – Твоя подруга пошла спать в детскую.

Ясь поразился, как неплохо гости осваивались в родительском доме.

– Для мытья, говоришь? Помыться и правда не повредит. Да и одежду переменю, а эту бы постирать.

– В ручье нельзя. Кипяти морскую воду или неси к прачкам.

– Так я и делаю, – Дмитрий уже вешал ведро над огнем. – Походил я тут у вас. Дошел всё же и до Главного – отчего он главный-то только?

Вопрос озадачил Яся.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, как он появился?

Ясь развёл руками.

– Всегда был.

– Ясно. Спрошу твоего отца.

– А что, ты что-то имеешь против? – снова укушенный задремавшим было бесом, с неким вызовом спросил Ясь.

– Ну вообще да. Что это за главный такой, который не может на такой простой вопрос ответить, как мне забрать покойника – в его городе убитого, кстати – и как и где мне его хоро-

нить? А я для того к нему и зашёл. Дольше ждал, чем по городу гулял: это ж надо за спинами стольких баб прятаться, каждая из которых по сто раз вышла спросить, кто я и зачем. И там ведь куча народу так ждёт.

Ясь не задумывался и об этом. Отец никогда не ждал: Главный его обычно звал. Но почему-то оскорбился.

– Он хороший главный. У нас порядок, – ответил он как будто чужими, но по ощущению правильными словами.

– Хорош же порядок: прямо у входа в город людей режут! – возмутился Дмитрий. – И все друг на друга всё переваливают.

– А где тогда порядок, у вас? – сказал бес. – Там, где людей едят?

– А кто сказал, что у нас порядок?

Ясь сел у огня. Бес притих.

– А расскажи мне про тот случай? Ну... Про каннибалов этих.

– Эх, малой, – Дмитрий сморщил и без того морщинистый лоб, и больше складок добавилось на щеках. – Не то, чтобы сильно вспоминать хотелось, да и вспоминать особо нечего, но почему нет?

Ясь наострил уши – и тут же вскочил с места: дверь распахнулась явно ударом ноги и чудом осталась на месте.

– И где этот гад?!

Джерри зарычала.

– Фу! – приказал Дмитрий.

– Я точно убью тебя! – увидев Яся, Вол сжал кулаки и двинулся прямо к нему. Глаза жутко налились кровью. – И выпотрошу, тварь. Где ты был?!

– Ну вот – ты спрашивал про каннибалов, вот примерно так это и начинается, – спокойно сказал Дмитрий, прикуривая от огня где-то добытую самокрутку.

– А ты что подначиваешь? Я этого гада с самого утра по всему лесу искал! А он снова сбежал с работы. Чего, лучше других себя возомнил? Что, новый главный нашелся?

– Зачем искал-то? – невозмутимо спросил Дмитрий.

– А затем, что придётся идти в Гнилку! Гнильцы пришли и сказали, что у них там какая-то болезнь. И что девка эта там останется пока, раз уж дошла до них. Видно, не сильны их боги и припарки.

Болезнь?! А что, если и Вара больна какой-то ужасной болезнью? Хотя – ведь остальные-то вошли в город. А знают, что больным приходить нельзя.

– А идти ты не хочешь, да? Чтобы не заболеть? – уточнил Дмитрий.

– Да, не хочу. Что, скажешь, боюсь? А и боюсь. Что я, совсем дурак – вот так взять и помереть?

– Чем хоть болеют?

– А мне откуда знать?

– Так ты ж говорил с этими, как их... С гнильцами?

– Ага, как же. Я к ним и не подойду. Это старший сказал.

– Можем спросить Вару. Она из Гнилки, – гнев Вола нашел себе другую причину, и Ясь рискнул вмешаться.

– Это ещё кто?

– Девушка, – не нашёл лучшего ответа Ясь.

– Это я понял.

– Она тут спит. Ну или спала – ты так разорался, что, наверное, сквозь гору выскочила. От проёма левой спальни слышался смех.

Вол посмотрел на Вару так, что очень захотелось ему врезать.

– Ваши сказали про болезнь в Гнилке. Что это? – спросил Ясь.

– Не знаю, но ничего уж такого страшного. Боль в животе и всё такое, – сказала Вара. – Кора и молитва всегда помогают. Но заболел землекоп, а его жена – из Оси. Вот она и убедила, что срочно нужна помощь лекарей ваших, иначе помрёт.

Дмитрий хмыкнул. Вол как будто обмяк – расслабился. Пошёл к бочке попить.

– Малой, показывай, где ваша ванна да помощи набрать. Как же давно я не мылся, – беспардонно приказал Дмитрий.

– Я тоже хочу, – сказал Вол, и Ясь снова поразился, как свободно гостям в отцовском доме.

Снова засмеявшись, Вара вернулась в комнату, а Ясь взялся за деревянную ручку ведра.

Глава 6. Нож

– Да разве мы с отцом могли представить, что ты станешь таким ... – мать хватала ртом воздух, подбирая подходящее слово. Она так крепко вцепилась в руку Яся, что он, даже если бы Вара и не была причиной их ссоры, вспоминал бы её рассказ. Наверняка синяки останутся не меньше, чем у неё. – Таким никчёмным... – она снова замерла на миг в поиске. – Человеком?

Увидев Вару у огня, она изобразила гостеприимство, с виду радушно и с улыбкой – пусть и кривоватой, и не особо искренней – расспросила, как её зовут и откуда она. А после схватила Яся за рукав и вытащила из горянки, чтобы как следует отчитать на радость соседям. Они как раз возвращались с работы и с любопытством прислушивались к ссоре.

– Который день ты уже сегодня прогулял? За тебя нам в седьмое солнце совсем ничего не выделяют. И чем нам кормить всех этих людей, которых ты притащил в наш дом?

Ну, во-первых, Ясь, строго говоря, позвал только Вару. Вол увязался за ним сам, хоть и по причинам, о которых упомянула мать. Дмитрия же и вовсе пригласил отец. Во-вторых, еду в дом приносили и родители, причём мать ещё и свежую булку с пекарни могла забирать в конце каждого дня, а не только в седьмое солнце, и Ясна. И... Вдруг стало очень неловко. А мать словно в голову к нему заглянула:

– Тебе самому не стыдно? Вот совсем ни капельки? Ты давно взрослый мужчина, а ведёшь себя как мальчишка. У нас с отцом в твоём возрасте уже были вы с Ясной, а ты даже не озадачился, чтобы тебе хотя бы определили место под горянку.

Ясь посмотрел себе под ноги – на башмаки. Правый по-прежнему натирал. Вдруг подумалось: а ведь они из кожи – стало быть, из животных, которых убивать нельзя. И пусть эту кожу сначала привезли на обмен в Топор, а затем уже её выменял осийский сапожник – но ведь и она когда-то принадлежала чему-то живому. И, может быть, даже вкусно.

– Нет, ты меня не слышишь, – сказала мать. – И даже не слушаешь, только делаешь вид. Пойми, я совсем не против, я даже рада, что ты наконец нашёл невесту. И пусть даже из Гнилки, хотя я бы предпочла местную. Но привести её ты должен не в нашу горянку, а в свою.

– Мама, да не невеста она мне, – снова попытался объяснить Ясь, но на сей раз уже не слушала мать.

А Вара, между тем, оставалась внутри, в компании пожирающих её глазами Дмитрия и Вола. Смотрели так, что вот бы и вонзили в неё свои зубы, как в того кролика.

И неизвестно, сколько бы ещё мать удерживала Яся, если бы не вернулись Ясна и отец, который снова позвал на ужин стеклодува.

Мать наконец взяла себя в руки и даже извинилась перед соседом за то, что ужина придётся подождать. Ещё бы, когда бы она его готовила, если столько времени чихвостила Яся перед всем ярусом?

Отец встретил Вару вполне дружелюбно.

– О, у нас снова гости? Добро пожаловать.

– Новые лица всегда видеть приятно, а такие красивые тем более, – засиял Михайла.

Старик, а туда же – хвостом крутить.

Ясна кивнула и глянула недобро.

– Ну что, хозяйка, мы завтра в дорогу – меньше ртов будет тебя объедать, – сообщил за ужином Дмитрий.

Показалось, или мать слегка покраснела?

– Мне всё равно так и не смогли ответить, когда я смогу забрать Лёню. Так что мы пока сходим в Гнилку, а потом, может, и прояснится что-то.

– А я ведь кое-что нашёл, что, возможно, вам поможет. Отцу вашему ещё даже рассказать не успел, – сказал Михайла.

Увидев знакомый блеск в его ясных глазах, Ясь понял, что сейчас они снова отправятся в прошлое. И не ошибся.

– Я еще вчера вспомнил, что один из наших первых жителей, отцов-основателей, так сказать – это его записи наша невеста обычно читает, – Михайла подмигнул Ясне, на что та невесело улыбнулась, – однажды решил найти вора. Он писал, что кто-то крал зерно из сарая, но они никак не могли его поймать, хотя даже дежурства устроили. И тогда он решил обратиться к одному старому способу. И смог его воссоздать. Вот про это я помнил, а как именно он это делал, я и подзабыл. Так что вчера записи его кое-какие взял на время, чтобы в памяти освежить. Всю ночь просидел у огня – и ведь нашёл!

Отец даже отложил недонесённую до рта ложку, разбрызгав остатки супа из неё на стол. Со вниманием слушали и остальные.

– Он решил снимать отпечатки пальцев, чтобы по ним понять, кто заходил в сарай. Сразу скажу – у него ничего не получилось, потому что в их сарай заходили все. Но вам может и помочь. Пётр говорит, что рядом с убитым нашли нож, и что ты, Дмитрий, сказал, что твой друг его из рук не выпускал. А в таком случае к нему прикасались умерший и те, кто заходил в сарай: Главный, Пётр, врачевательница, вы, видимо, все по очереди – и убийца.

На последнем слове Михайла, довольный собой, хлопнул мощными ладонями по крышке стола, да так, что подлетели тарелки. Вара округлила глаза – или рассказа стеклодува напугалась об убийстве в Оси, или его эмоций. Или всего вместе.

– И что это за способ такой? – заинтересовался Дмитрий.

– Мы возьмём ваш нож, на рукоять нанесём состав из мела, сажи и мелких стружек железа, перенесём все, что получится, на бумагу, а потом на других листах с помощью сажи сделаем отпечатки всех, и кто касался ножа, и попал под подозрение. И сравним.

– Хм... Да это ж сколько времени займёт. И кто будет всё это делать? И точно ли работает? Ты сам сказал, что в прошлом у них ничего не получилось, – с таким напором сходу раскритиковал Вол, как будто его заставляли куда-то идти.

– Но ведь занятная идея! – воскликнул отец. – Михайла, вот ты светлая голова!

Стеклодув улыбался, довольный.

– Что-то в этом есть. Отчего бы не попробовать? – согласился Дмитрий.

Закашлявшись, отец поднял вверх большой палец.

– Я с радостью помогу вам в седьмое солнце, – сказала Ясна.

– Но и о стирке не забудь, – сказала мать. – И ещё заберёшь продукты. А я обещала помочь на пекарне.

– Как так? – удивился отец.

– У Таты дочь выходит замуж. Надо помочь. Это у нас, как видно, свадеб в горянке никогда уже и не дождемся.

– Да, надо, дело такое, – согласился отец. – Ну мы и вместе с Михайлом справимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.